

ДЕТЕКТИВЫ О ЖЕНЩИНЕ – ЦУНАМИ

Анна
Ольховская

Первый
раз

Папарацци идет по следу

Анна Ольховская

Первый раз

«Соболева Анна Николаевна»

Ольховская А.

Первый раз / А. Ольховская — «Соболева Анна Николаевна»,
— (Папарацци идет по следу)

ISBN 978-5-699-37514-1

Саша Голубовская просит свою подругу Анну Лощинину поехать с ней, ее мужем и детьми – дочерью Викторией и сыном Славой – в Чехию. Повод более чем приятный: деловой партнер Сашиного мужа Фридрих фон Клотц приглашает Голубовских отдохнуть в его старинном замке. Анна соглашается. Очень скоро отдых превращается в кошмар. Подруги попадают в автокатастрофу, после которой Саша бесследно исчезает. Фон Клотц откровенно волочит за Викторией, которой скоро должно исполниться восемнадцать. А родной отец, похоже, активно поощряет приятеля. Все бы хорошо, да только жених невесте совсем не по душе, и Анне все это очень не нравится...

ISBN 978-5-699-37514-1

© Ольховская А.

© Соболева Анна Николаевна

Содержание

Часть I	5
Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	12
Глава 4	16
Глава 5	19
Глава 6	22
Глава 7	26
Глава 8	29
Глава 9	32
Глава 10	35
Часть II	39
Глава 11	39
Глава 12	43
Глава 13	46
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Анна Ольховская

Первый раз

Часть I

Глава 1

«Голова болит, зубы ни к черту, сердце жмет, кашляю ужасно, печень, почки, желудок – все ноет! Суставы ломит, еле хожу. Слава богу, что я не мужчина, а то была бы еще предстательная железа!»

Под этой жалобой Фаины Раневской на свое самочувствие я готова подписаться обеими руками. Вот появятся силы, смогу поднять карандаш – тогда и подпишусь. А пока... Пока мерзопакостное создание, гнуснейший вирусный тип по имени Грипп самым подлым образом превратил меня в развалину. Практически древнегреческие руины получились. Или древнеримские? В общем, на широкой кровати рассыпаются сейчас в прах роскошные когда-то дворцы, ухоженные сады, великолепнейшие храмы... М-да! Температура, господа, жар, бред, горячка. Нет-нет, руины имеют место быть, а вот насчет великолепия с роскошью...

– Зайцерыб, ты как там? – жалобно донеслось из коридора. – Можно к тебе?

– Лешка, – хрипло просипела я, – сколько раз можно повторять: моя болезнь – это локальный случай, а если заразишься ты, то превратишься в биологическое оружие дальнего радиуса действия.

– Почему сразу дальнего? – Ручка двери укоризненно покачалась.

– А кто завтра на гастроли в Челябинск едет? Куда уж дальше! И вот, – я поудобнее устроилась на подушках, – придут зрители на концерт, нарядные, с цветами, а уйдут с соплями.

– Вот ни слова в простоте не скажет, – заворчал Лешка. – Все норовит рифмами глаголить. А то и вещать! Ладно, толстик, – он поскреб дверь пальцами. Дверь, как мне показалось, жеманно хихикнула. – Я побежал. Дел перед отъездом, как всегда, невпроворот. Катерина уже пришла, в кухне хозяйничает. Слушайся ее во всем и побыстрее выздоравливай. Я соскучился. Целую!

– Радуйся, что пока не в холодный лоб, – исключительно из-за происков высокой температуры продолжала вредничать я.

Именно в лоб, правда, в горячий, и влетел воздушный поцелуй, коварно посланный мужем из-за приоткрытой двери.

Дверь захлопнулась прежде, чем я успела достойно ответить. Слышно было, как Лешка отправился в кухню, о чем-то там погудел с Катериной, нашей домоправительницей, затем дошла очередь хлопнуть и входной двери.

Замурлыкала тишина. Не та холодная и безжизненная, что бывает в пустых аудиториях и закрытых на ночь музеях, нет. Другая. Теплая, уютная, наполненная ярким светом утреннего солнца, позвякиванием посуды в кухне, вкусными запахами, украдкой просачивающимися оттуда же. Она обволакивала и убаюкивала, закрывала мягкими ладошками глаза... Я не в состоянии была ей сопротивляться и погрузилась в пушистую дрему. Но тишина почему-то мурлыкала все громче, вот она уже начала топтать меня мягкими лапками. И проводить пуховкой по лицу. И щекотать мне нос...

– А-а-апчхи!!!

Тишина страдальчески поморщилась, но массаж не прекратила. Врачевательницу звали Сабриной, и это была вторая по важности персона в нашем доме после Катерины. Мы с Лешкой

были салабонами, которыми эти старослужащие помыкали как хотели. Причем абсолютно не считаясь с нашим мнением!

Вот и сейчас: огромная пушистая бегемотиха, появившаяся в результате какого-то генетического сбоя после акта страстной любви между норвежским лесным котом и сибирской кошкой, взгромозилась мне на грудь и вытаптывала мой кашель.

– Саба, брысь! – Моя вялая попытка сопротивления была смята усиленным топотанием и повторным боданием в нос.

Пришлось смириться. В который уже раз. Кто тут венец творенья, в конце-то концов?! Ой! Извините, ваше кошачье высочество, не извольте гневаться, я абсолютно с вами согласна. Конечно же, коты.

Вскоре Сабрину сменила на посту Катерина, вкатившая в комнату столик на колесиках. Хрупкая столешница была плотно заставлена тарелками, стаканами, чашками, пузырьками и прочей дребеденью. Бедняга столик держался из последних сил, натужно поскрипывая колесиками. Дородная Катерина, чей свекольный румянец сиял даже сквозь марлевую повязку, не обращая внимания на мои капризы и нытье, заставила меня поесть, напичкала лекарствами и даже умудрилась перестелить постель, не вытряхивая меня оттуда.

Знаете, на что это больше всего походило? Жизнерадостная девочка Катя играет со своей куклой в доктора. Спасибо, хоть не держала куклу за ногу вниз головой, когда постель перестилала.

Кукла, то бишь я же, на протяжении всей экзекуции размышляла над глобальными вопросами мироздания. Например: зачем Катерине марлевая повязка на физиономии, если съеденный ею с утречка килограмм чеснока давно уже уничтожил всех микробов в радиусе трех метров вокруг эпицентра?

А тем временем меня плотно укутали в одеяло, нахлобучили на голову шапочку с помпончиком и открыли форточку. Проветривать. Вот за это – отдельное спасибо.

Лежу теперь спеленутая, только соски с погремушкой не хватает, и думаю – как же я дошла до жизни такой?

Да очень просто. Не жилось мне, Анне Лощининой, журналистке на вольных хлебах, спокойно в своем городе, не паслось мирно на журналистском пастбище – потянуло меня песни писать! Вернее, тексты песен. Правда, на это меня спровоцировал мой приятель, Илюха Рискин, но факт остается фактом – у меня получилось. Песнями заинтересовался Алексей Майоров, звезда отечественного шоу-бизнеса. И понеслось! Знакомство с Алексеем; наш творческий тандем; соприкосновение с таким явлением, как фанатизм. От этого «соприкосновения» меня штормило так, что надежды уцелеть почти не было. Подмосковная психушка, цунами в Таиланде, лагерь бедуинов в Египте – ничего себе моментики жизни!¹ Но все это в прошлом, а в настоящем – мой муж, моя половинка, моя жизнь – Лешка. Алексей Майоров.

И в качестве бонуса – его (а теперь уже наша) домоправительница Катерина. Которая и принесла в наш дом полгода тому назад крохотный пушистый комочек с гордым именем Сабрина. Бомбу замедленного действия.

Бомба попыталась было снова взобраться ко мне на кровать, но вовремя появившаяся Катерина пресекла эту попытку на корню, подхватила бомбу под мышку, закрыла форточку и отбыла в кухню. В качестве компенсации за причиненный мне моральный ущерб она принесла мне книги и газеты.

Что ж, посмотрим, чем решила меня порадовать Катерина. Так, детективчик. То, что нужно в моем состоянии, тем более что автор – дама. Значит, без ведер крови, без смакования сексуальных сцен, без натурализма, в общем. Легкое ненавязчивое чтиво.

¹ Читайте об этом в романах А. Ольховской «Право бурной ночи», «Охота светской львицы», издательство «Эксмо».

Где-то через час знакомства с творчеством писательницы из Питера мои уши все настойчивее стали натягиваться на затылок, глаза – скашиваться к переносице, а мозги совсем разжились и озадаченно побулькивали в голове. Возможно, сюжет был закручен лихо, не знаю. Не смогла поймать за хвост постоянно ускользающую суть интриги, поскольку с трудом продиралась сквозь имена, данные автором своим героям. Последний раз такую подборочку я слышала в КВН, но там это было коротко и смешно. А здесь... Когда зеленоглазого красавца-брюнета, мужественного северного мачо, лихого опера зовут что-то типа Фемистокл Аркадьевич Свинцицкий, а его помощницу, знойную библиотекаршу – Олеандра Повсикахиевна Рубероид-Стечкина, до сути повествования добраться нелегко. Практически все действующие лица носили столь же гордые имена, и потому вскоре я сдалась. Вот поправлюсь, силенок прибавится – тогда да, тогда я смогу!

Посмотрим газеты. Так, все ясно. Катерина осчастливила меня своим любимым чтивом – еженедельниками, содержащими минимум политики, максимум «жизненных» историй. Особенно я люблю разделы знакомств в таких газетах просматривать – чего там только не увидишь!

Чихая и кашляя, на помощь хозяйке подтянулось чувство юмора и угрюмо уселось рядом, недовольное моей неугомонностью. Давай, хозяйка, наслаждайся, если тебе нейдет, попробую помочь.

Скоро от угрюмости и уныния не осталось и следа. Рубрика не обманула моих ожиданий. Класс: жених ищет невесту, согласную жить на земле, выращивать клубнику, цветы и прочие деликатесы! Другой познакомится с хрупкой девушкой двадцати пяти – тридцати лет, приятной полноты. А вот еще...

Разыгравшееся чувство юмора резко затормозило, издало неразборчивый вяк и булькнуло кверху лапками в моментально разжижившийся мозг. Да что же это такое сегодня, а?! Люди из Санкт-Петербурга решили меня окончательно убедить в моей же умственной неполноценности? Привожу сей шедевр дословно: «Мужская строгая требовательность к себе, собранность, подтянутость, ответственность в откровенности и проницательности с творчеством на «мах» ищет единство духа только Девичьей Чести в красивой, симпатичной, высокой с работоспособностью создать до виртуозности, не гнушаясь бытовым. Далее зависит от самой. Фотография обязательна – не скрыть содержание. Честность, если нужен ответ. Желательно провинция. Сам из Санкт-Петербурга, но в деревне. Созерцать лес в утешения и покой». (Орфография и пунктуация сохранены.)

Всхлипнул и разрыдался телефон. Я взяла трубку:

– Да, слушаю.

– Добрый день. Будьте, добры, пригласите, пожалуйста, Анну Майорову.

– День, конечно, добрый, но выполнить вашу просьбу я не могу, – улыбнулась я.

– Почему? – безупречно-вежливый женский голос превратился в растерянный. – Я ошиблась номером? Извините, пожалуйста.

– Эй-эй, Сашка, не вздумай трубку бросать! – заторопилась я. – Ты что, чучундра, какая я тебе Майорова, я по-прежнему Лощинина, забыла?

– Ой, Анетка, это ты, – рассмеялась моя собеседница. – А я тебя и не узнала, ты таким басом говоришь! Я думала, это ваша Катерина трубку взяла.

– Ничего и не басом, – возмутилась я, – а с очень даже эротичной хрипотцой, приобретенной в результате неравной борьбы с гриппом.

– Наш сантехник Колянчик с такой же эротичной хрипотцой обычно бутылку водки вымогает, без которой кран от протечек, по его словам, не избавится ни за что, – хихикнули в трубке.

– Вот чего-чего, а чуткости и поддержки от тебя не дождешься, Александра Игоревна. А ведь ты мать! – пафосно завывала я. – Причем двоих детей мать! И должна свою материнскую нежность и ласку распространять вокруг себя концентрическими волнами, дабы все, попада-

ющие в зону их действия, ощущали себя защищенными и любимыми. Твоими птенчиками, твоими...

– Вижу, я не вовремя, ты совсем плоха, деточка, – нарочито заботливо прокудахтала Саша. – А позови-ка ты к телефону Катерину, я ей пару материнских рецептов продиктую, как тебя лечить. Там есть такие миленькие ингредиенты, как медвежья желчь, барсучий жир, сушеные летучие мыши, кровь сорокалетних мужчин-девственников...

– Нет!!! Только не это! Я все поняла, больше не буду!

– То-то же.

– А что у тебя слышно? Ушла в глухое подполье, месяц на связь не выходила. Мобильный выключен, по домашнему телефону пару раз звонила – застать не могу. Я просила Славку передать, чтобы ты проявилась, но от тебя ни ответа, ни привета. Твой сынуля ничего тебе не передавал? – спросила я.

– Да он передавал, – тяжело вздохнула Саша, – просто... Понимаешь, такая ситуация сложилась, что я даже и не знаю. По телефону как-то...

– Так, понятно. Пан Голубовский резвится?

– В общем, да.

Глава 2

С Сашей Голубовской я познакомилась относительно недавно, где-то с полгода тому назад. Лешка собирался на гастроли по Белоруссии, а мне давно хотелось побывать в этой стране. Уж очень противоречивые мнения слышала я о бывшей советской республике, дровишки в костер моего любопытства подбрасывались постоянно.

Стояло лето, первое наше спокойное лето. Два предыдущих были совершенно безумными, и тем ценнее казались мгновения релакса и покоя. Хотя, со стороны, круговерть нашей жизни спокойной ну никак назвать нельзя: у Лешки постоянные концерты, поездки; и я тоже не бездельничала, наладила контакты с парочкой гламурных журналов. Но мы были вместе, и ни одна тучка не выплясывала тарантеллу на нашем небосклоне. Поскольку я публиковалась под своей фамилией, а для широкой публики наш союз с Лешкой по-прежнему оставался тайной, особого ажиотажа вокруг моих материалов не было.

В общем, прошлое лето начиналось великолепной погодой, а также встречей с Таньским (как я ее зову) и ее семьей. Кто такая Таньский? Моя лучшая подруга, еще со школьных времен. Таньский теперь – мама двух очаровательных малышек, живет в Швейцарии.² Ее муж, Хали Салим, наследник многомиллионного состояния, впервые после рождения двойняшек рискнул отпустить мою лучшую подругу домой, в Россию. Ну, как отпустить – разрешить приехать, но только в сопровождении его, мужа, свекра Мустафы, детишек и батальона прислуги. По-моему, семейство Салимов заняло целый этаж «Президент-отеля». Месяц, который мне удалось провести с любимой подружкой, пролетел катастрофически быстро. И вот уже синеглазый красавчик Хали нетерпеливо поглядывает в нашу с Таньским сторону, прислушиваясь к объявлениям, звучащим в Шереметьево. А я никак не могу отпустить подругу, прижимая к себе ее кукольно-хорошеньких малышек, целую их в щечки, целую Таньского и реву, реву... Малыши относятся к причудам «этой тетки» философски, они привыкли, Таньский обрыдала уже три носовых платка, и конца нашей образцово-показательной истерики не видно.

Когда объявили о том, что регистрация билетов на Женеву заканчивается, Хали не выдержал и взмолился:

– Алексей, хотя бы ты вмешайся! Мы же опоздаем!

– Интересно, – хмыкнул мой муж, все это время делавший вид, что он с интересом изучает желтую газетенку с собственным портретом на развороте, – что же тебе мешает?

– Жить хочу, – грустно вздохнул Хали. – И домой хочу. Но очень похоже, что сегодня улетит только отец с прислужкой.

– Так оставайся!

– Я бы с удовольствием, но бизнес, понимаешь? Сейчас разгар курортного сезона, в наших отелях дел накопилось! – Хали страдальчески поморщился. – А мы с отцом вместе все бросили и в России месяц проторчали. Хотя было весело, не спорю.

– Так зачем же вы вместе приехали? – резонно поинтересовался Лешка. – Пусть бы Мустафа и оставался у руля.

– Да, останется он, – проворчал Хали. – Отец же на внуков не надышится, даже на день с ними не хочет расстаться. Так что давай на счет: раз, два...

– Три! – подхватил Лешка, ловко забрал у меня малышек и передал их Хали, который сразу же направился с детьми к стойке регистрации.

Таньского словно магнитом потянуло туда же, меня – за Таньским, но Лешка и тут не дремал. Он нежно и в то же время крепко прижал меня к себе.

² См. роман Анны Ольховской «Бог с синими глазами».

Сквозь слезы я следила, как моя любимая подружка проходит регистрацию, паспортный контроль, вот она, обернувшись, еще раз помахала мне рукой, Хали потащил ее на посадку – и все. Улетела.

Вообще-то, я рыдать не очень умею, дилетант я в этом деле. И запас слез у меня не очень большой. Но если уж начну, то отдамся процессу со вкусом и упоением. Так что бедняге Лешке пришлось нелегко. Но он справился.

Вот так и получилось, что к началу Лешкиного гастрольного тура по Белоруссии моя депрессия после отъезда Таньского и желание побывать в незнакомых местах объединили свои усилия и отправили меня вместе с Лешкой на гастроли. Впервые за все время нашего союза.

Почему впервые? Да потому, что очень трудно делать вид, что мы друг другу чужие, когда все время мы проводим вместе. А из Лешкиного коллектива только его администратор Виктор знал о нас все, поскольку в свое время он активно помогал Лешке в моих поисках.

И в той поездке Виктор был нашим союзником. Он оформил меня тур-менеджером Майорова и старался селить нас в гостиницах по соседству. Но все равно нам приходилось нелегко. Впервые я воочию убедилась, как крепко достается моей «половинке» во всех этих поездках. Выматывался он страшно, а тут еще и фанатки! Бр-р-р.

Но все равно было очень интересно. Мне понравилась Белоруссия, а особенно ее столица, Минск. Чистый, ухоженный, улыбающийся город. Именно улыбающийся: люди, окна домов, витрины, стекла проезжавших мимо машин – улыбались все.

Я побывала во многих интересных уголках Минска благодаря моему добровольному gidу, Саше Голубовской. Она работала в команде организаторов тура, и мы как-то сразу, с первой минуты знакомства, прониклись симпатией друг к другу.

Саша была всего на пять лет старше меня, но уже имела двоих почти взрослых детей. Она рано вышла замуж, сначала родилась дочка, Вика, а через четыре года – сын Слава. На момент нашего знакомства Вике исполнилось семнадцать лет, Славке – тринадцать. А их маме... А их маме никто никогда не давал ее лет, и повсюду – в транспорте, в магазинах, на улице – к ней обращались не иначе, как «девушка». Зачем обращались? По разным причинам, но очень часто – с надеждой на знакомство.

Потому что Саша – очень симпатичная. И женственная. И обаятельная. И умная. И добрая. И нежная. И...

И у нее дрянной муж. Который ничем не заслужил такую чудесную жену. Но вместо того чтобы благодарить бога за эту удачу, вместо того, чтобы любить, холить и лелеять Сашку, он с упорством, достойным лучшего применения, загоняет ее под плинтус, унижает и издевается над ней.

Не знаю почему, но меня буквально трясет, когда я вспоминаю об этом типе. Лично мне он ничего плохого не сделал, при встречах был подчеркнута вежлив и обходителен, выглядел отнюдь не уродом – но у меня он всегда ассоциировался с гиеной. Это на уровне подсознания.

Так и получилось, что пустоту, появившуюся в моей жизни после переезда Таньского в Швейцарию, заполнила Саша. Гастрольный тур по Белоруссии продолжался около двух недель, и все эти две недели мы провели вдвоем. К концу второй недели у нас не было секретов друг от друга: она знала все о моей жизни, а я – все о ней. Или почти все.

За это время я несколько раз гостила у Голубовских, познакомилась с Викой и Славкой. Мы сразу понравились друг другу. Чего не скажешь об Андрее, ее муже. Или, как он сам себя именует, – Анжее. Парень родом из западной Белоруссии, вот и возомнил себя поляком. И хотя по паспорту он – Андрей Валентинович Голубовский, при знакомстве этот тип представляется Анжеем Валентиевичем.

Возможно, первопричиной моей антипатии к Андрею послужило то, что все его поступки я рассматривала через призму скудных рассказов Саши. Именно скудных, поскольку она много и с удовольствием говорила о детях, и совсем мало и неохотно – о муже.

И все же, все же... Не только Сашкины рассказы, но и то, что я видела, бывая у нее в гостях, повлияло на мою «симпатию» к пану Голубовскому. Отношения Андрея к Саше основывалось на простеньком тезисе: «Тот прав, у кого больше прав». В данном случае – денег. Андрей являлся директором крупнейшего в Белоруссии дилерского центра известной автомобильной марки, производимой в Германии. А Саша посвятила себя семье и детям, хотя в свое время, окончив престижный институт, имела очень перспективную должность. Но совмещать семью и карьеру для женщины всегда было (да и остается) невозможным делом, что бы там ни говорили. И Саша уволилась, благо зарплата мужа позволяла ей не работать и заниматься домом. Ей так казалось. Наивная! Несколько лет она не работала, но чем богаче становился Андрей, тем жаднее. Гайки закручивались все туже, вскоре ему потребовались еженедельные отчеты о потраченных деньгах с предъявлением всех чеков, вплоть до продуктовых. Чеки тщательно анализировались, и при обнаружении Андреем факта покупки более дорогого и качественного сока или сорта колбасы Саше закатывалась форменная истерика. А о милых женскому сердцу вещах, типа красивого белья, нового парфюма или французского крема для лица, и речи не шло. Вскоре Саша с ужасом обнаружила, что превращается в оборванку: обувь носилась ею уже семь лет, пальто – шесть, свитера растянулись и покрылись катышками, джинсы протерлись. Не хватало даже на секонд-хенд! Пришлось ей срочно искать работу. А куда пристроиться после почти восьмилетнего перерыва? Но дружба и в наше время все еще не пустой звук, и Саше удалось с помощью старых друзей устроиться в гастрольно-концертную организацию администратором, где она и крутится по сей день. Свою порцию моральных плюх Саша от мужа по-прежнему получает, поскольку зарабатывает на порядок меньше, но она хотя бы смогла прочно встать на ноги.

После моего возвращения домой мы с Сашей очень плотно общались через Интернет и по телефону, она пару раз приезжала в Москву по делам, гостила у нас. В последний раз она была в январе, и я как-то раз не выдержала:

– Слушай, сколько же можно терпеть? Ты же умная, красивая, самодостаточная женщина, тебя уважают все, кто тебя знает. Кроме твоего мужа. Разводись ты с ним, а?

– Думаешь, мне все это нравится? – Саша попыталась улыбнуться, но губы ее задрожали, а глаза моментально наполнились слезами. – Если я подам на развод, это ударит по детям. О том, чтобы Андрей гордо ушел и оставил квартиру нам, – и речи не идет. Он будет делить все, до последней вилки. А по поводу алиментов он меня давно уже предупреждал – мы с детьми получим копейки с его официальной зарплаты. У них же сумма в конвертах очень сильно отличается от той, что значится в бухгалтерии. Если же я буду, по его выражению, «качать права», мною займется их служба безопасности. Вот так. – Саша отвернулась к окну.

– И долго ты будешь все это терпеть? – Я села рядом и обняла ее за плечи.

– Не знаю. Мне бы выдержать хотя бы до тех пор, пока Славка окончит школу. Несмотря ни на что, он тянется к отцу, я же вижу. А характер у парня и так не сахар, да еще возраст... Он совсем психованный сейчас, не дай бог что – всякое может случиться. Наркотики, например. – И Саша расплакалась.

– Ну ладно, ладно, – мне страшно захотелось заставить Андрея петь фальцетом, – успокойся! Поступай, как знаешь. Я поддержу тебя во всем.

И мы продолжали общаться, пока месяц тому назад Сашка вдруг не исчезла с моего горизонта.

Чтобы объявиться сегодня.

Глава 3

– А ты вообще где сейчас? – спохватилась я. – Неужели в Москву приехала?
– Пока нет, но собираюсь, в понедельник. Так хотелось с тобой поговорить, а ты заболела, – Саша тяжело вздохнула.

– В понедельник? – Я рассмеялась. Правда, мой простуженный смех больше походил на сиплое карканье. – Да я к тому времени уже опять начну резвой лошадкой гарцевать, сегодня ведь только среда! Так что даже и не надейся избежать серьезной нахлобучки за эти фокусы с твоим исчезновением.

– Не надо меня нахлобучивать, – испугалась Саша. – Я приеду, такая ухоженная, с моденькой прической, с креативным макияжем, а она невесть что собирается со мной делать! Хотя ничего хорошего от резвящейся кобылки ждать не приходится в принципе...

– Во-первых, не кобылки, а лошадки. Во-вторых, сия попытка манкировать своими давними обязательствами чревата серьезными последствиями, вплоть до обструкции!

– Боже, прелесть-то какая! – манерно взвизгнула Сашка. – До чего же вы куртуазно выражаться изволите, я в провинциальности своей не все и поняла!

– Все ты поняла. – Я мрачно шмыгнула носом. – И не смей сплетать тонкую и прямую нить нашего разговора в кошачью путаницу! Немедленно признавайся – что там у тебя происходит?

– Вот насчет кошачьей, ты...

– Саша!

– Ладно. – Саша мгновение помолчала, а потом совсем другим, уже серьезным тоном продолжила: – Знаешь, Анетка, я после того, январского нашего разговора, места себе не находила. Разбередила ты мне душу, озвучила то, о чем я постоянно думала в последнее время. Андрей... Он ведь практически открыто изменял мне, звонил своим девочкам с домашнего телефона, даже детей не стеснялся! А прошлой осенью у него появилась постоянная дама сердца. Хотя какого там сердца! – нервно хохотнула Саша. – Скорее другого органа. В общем, в полном соответствии с поговоркой «Ночная кукушка дневную всегда перекукует» начал Андрюша куковать с чужого голоса. И прессинг с его стороны усилился...

– Постой, – не выдержала я, – мне не совсем понятно насчет ночной и дневной. Ты же его жена!

– Господь с тобой, Анета. – Хоть Саша и не болела, ее смех сейчас удивительно напоминал мой, простуженный. – Ты что, серьезно полагала, что после всех этих унижений и издевательств с его стороны я в состоянии выполнять супружеские, так сказать, обязанности?! Да отказ от них был моей последней возможностью сохранить собственное достоинство! Это во-первых. А во-вторых, меня от него просто тошнит!

– Но тогда почему...

– Если ты о возможности мести через любовника, то это не мой случай. Я хочу спокойно смотреть в глаза детям.

– Саша, они же все видят и понимают! Поймут и это.

– Нет, не поймут. Особенно Славка. Он и так на грани срыва, а если еще и мать в загул пойдет! – Сашин голос сорвался. – Да, и потом вот еще что. Андрей своим поведением провел мне серьезнейшую вакцинацию против мужчин вообще. Я теперь не верю ни одному из них. Все они одинаковые!

– Перестань сейчас же! – возмутилась я. – Все не могут быть одинаковыми. Есть же Лешка, есть Хали Салим...

– Предположим, твой Хали тоже был порядочной свинотой в свое время.

– Был, не спору. Но он просто долго вырослел. И потом, когда свинота превращается в человека – это одно. Эволюция, так сказать, прогресс. А вот когда наоборот: нормальный человек становится сволочью – это, чаще всего, уже навсегда. Но по одному случаю нельзя судить обо всех, ты же взрослый человек!

– Умом я это понимаю. А на уровне чувств, эмоций – нет.

– Так, мы опять отвлеклись. – Я решительно прервала ненужную дискуссию. – Ты сказала, что прессинг усилился. Куда уж дальше-то!

– Поверь мне, есть куда. Андрей, судя по всему, поставил перед собой конкретную цель: дожать меня так, чтобы я сама ушла из его жизни, оставив все ему.

– В смысле – ушла из жизни?! – оторопела я.

– Нет, что ты, совсем не о том думаешь, дурочка. – Голос Саши потеплел. – Он выживал меня из дома, хотел, чтобы я ушла к матери.

– В ее однокомнатную – из ваших двухуровневых апартаментов? С детьми?

– Ну почему же, детей Андрей готов был познакомить с новой мамой. Он убеждал, что так лучше для детей, они по-прежнему будут жить в достатке.

– И что дети?

– Вика была категорически против, Славка молчал. Я сопротивлялась изо всех сил, но их у меня оставалось все меньше. И это молчание сына! Мне казалось, что он готов предать меня ради денег отца, что Андрею удалось вылепить из него свое подобие. В общем, после январской поездки в Москву и разговора с тобой я наконец решилась. И подала на развод. Тогда же, в январе.

– Ура! – завопила я. В дверь заглянула встревоженная Катерина. Я успокаивающе махнула ей рукой. – Наконец-то!

– Наконец-то, – проворчала Саша. – Если бы ты знала, что тут началось! Я ведь подала на развод, на раздел имущества и на алименты. И только потом уехала к маме.

– Зачем?

– Жутко было оставаться с Андреем в одном доме. В его глазах было столько ненависти! – Сашин голос опять задрожал. – И к тому же, после подачи мной заявления его фифа стала запросто появляться в нашем доме, да еще и оставаться ночевать! Потому я собрала вещи и ушла. Вика ушла со мной.

– А Славка?

– А Славка остался. Ты же звонила к нам домой, разговаривала с ним.

– А, ну да... Так ты поэтому не выходила на связь?

– Конечно. Компьютера у мамы нет, так что Интернет отпадал. Мобильник у меня отобрал Андрей. У Вики, правда, не рискнул отнять ее телефон, с дочерью он хоть чуть-чуть считается. Но звонить с ее телефона, сама понимаешь... Да мне и не хотелось, если честно, никого видеть и слышать. На работу я силком заставляла себя ходить, жить ведь на что-то надо... Там я, естественно, никому ни о чем не говорила, для всех моя личная жизнь оставалась без изменений.

– Как же вы поместились втроем у твоей мамы? И, кстати, как мама отнеслась ко всему происходящему?

– Разместиться-то мы разместились, а вот мама, – Саша тяжело вздохнула. – Теперь мы с Викой вынуждены были слушать постоянные монологи на тему: «А я всегда знала, что Андрей – мерзавец».

– Что ты все говоришь: «были», «было», – вдруг сообразила я. – Разве произошли какие-то изменения? Вы уже развелись? Так быстро? Обычно три месяца на раздумье дают, получается, вам на апрель должны были назначить. А сейчас только начало марта!

– В том-то и дело, что не развелись, и теперь я не знаю, разведемся ли вообще, – грустно проговорила Саша.

– То есть как?

– А вот так. Первые две недели после нашего с Викой отъезда Андрей звонил мне, исключительно с угрозами, продолжал прессовать и шантажировать меня детьми. Иногда звонила его фифа. Потом вдруг звонки прекратились. Я сама звонила иногда домой, когда Андрей был на работе, разговаривала с сыном. И Слава сказал мне, что фифа перестала появляться, папа последнее время по вечерам все время сидит дома, играет в компьютерные игры. И однажды Славка, мой молчаливый угрюмый Славка, повизгивая от счастья, словно щенок, сообщил, что папа собирается просить у меня прощения и очень хочет, чтобы мы с Викторией вернулись домой! Я спросила сына – а чего хочет он? А он расплакался, как маленький, и бросил трубку! – Саша захлопала носом.

– Ох, Сашка, Сашка, – покачала головой я. – Раба материнской любви. Неужели ты опять его простишь? Знаешь, мне что-то слабо верится, что Андрей внезапно все осознал и решил покаяться. Даже если он и разругался со своей, как ты говоришь, фифой. Или его жаба душит, квартиру не хочется делить? Не получилось угрозами – сменил тактику! Возвращаться не боишься?

– Анета, не нагнетай обстановку! – строго приказала мне Сашка. – Я все прекрасно понимаю, я достаточно адекватна и вменяема.

– Рассказывай! – съехидничала я.

– Рассказываю. Три дня тому назад, в воскресенье, Андрей вместе со Славкой пожаловали к нам в гости. Вручив маме огромный торт и цветы, они уговорили нас с Викторией поехать за город на пикник. Мне, разумеется, ехать никуда не хотелось. Но Славка смотрел на меня с такой мольбой, да и Вика в силу своего юного возраста еще очень романтична и верит красивым жестам. Я видела, что ей очень хочется поехать. Пришлось согласиться.

– Кто бы сомневался! – фыркнула я.

– Не вредничай. В лесу было чудесно, на поляне, которую Андрей выбрал для пикника, лежал нетронутый снег. Правда, мои детки моментально истоптали его, словно выводок диких хрюшек. Андрей и Слава хлопотали над мангалом, Вика накрывала складной столик, а меня торжественно усадили на стульчик, укутали пледом и не позволяли ничего делать. Знаешь, Анетка, я смотрела на счастливые лица детей, на смеющегося Андрея, и мне казалось, что последних кошмарных лет просто не было, что это всего лишь страшный сон. А потом, когда все приготовления закончились, Андрей вытащил из багажника корзину цветов, бухнулся передо мной на колени и попросил прощения.

– И ты поверила?

– Анетка, ты бы видела его! Губы дрожат, голос срывается – он так же, на коленях, когда-то мне предложение делал. И дети застыли, словно в игре «замри-отомри». И смотрят на меня с надеждой. А у меня в душе пусто, выгорело все. Не впечатляют меня больше Андрюхины красивые жесты. На первом году семейной жизни он частенько к ним прибегал. И я таяла, все ему прощала. Умеет он, когда захочет, женщину впечатлить. Но я-то знаю, что он еще умеет! – в запале повысила голос Саша. – Не нужен он мне больше, вместе с его цветами, шашлыками и прочими уловками, совсем не нужен! Мне столько сил понадобилось, чтобы решиться на развод, и что, все насмарку? Но Андрей с колен не вставал, дети затаили дыхание и ждали, и я...

– И ты его простила!

– Я сказала, что подумаю. Но им и этого было достаточно. Андрей подхватил меня на руки и закружил, дети радостно завопили и стали бросать в нас снежками. В общем, пикник прошел весело. Естественно, потом Андрей привез нас всех домой. Я обрадовалась, что у него хватило ума не форсировать события и не явиться ночью в мою комнату. Иначе даже ради детей я не осталась бы дома.

– Значит, ты теперь снова у себя, потому и прозвонилась мне наконец? – констатировала я.

– Не только поэтому. Вчера Андрей, придя вечером с работы, сообщил, что на время весенних каникул в школе мы все вместе едем в Чехию, в замок, представляешь?

– В какой еще замок?

– Понятия не имею. У его чешского партнера по бизнесу есть собственный замок в горах, и он пригласил Андрея погостить. Господин Голубовский и решил для закрепления результата своей «акции» отвезти нас в весеннюю Чехию. Надеется заставить меня окончательно забыть о разводе.

– Ну что же, – протянула я. – Очень мило!

– Вот по этому поводу я хочу поговорить с тобой подробнее, – деловито сообщила Саша. – Но по телефону не буду, и так уже наболтала на дикую сумму. Вот приеду в понедельник, тогда и продолжим. Договорились?

– Не наговорились.

– Не язви. До встречи. Пока!

– Пока.

Глава 4

Телефонная трубка истерически захлебывалась короткими гудками. Эти гудки были полностью созвучны элегантным словесным оборотам, которыми я вполголоса обрисовывала моральный облик и физиологические особенности Андрея Валентиновича Голубовского. Сплошное «запикивание» текста, как и положено в результате тщательной цензуры. Озвучить можно лишь предлоги, союзы и междометия, да и то не все.

– А-а-апчхи!!!

Мне стало чуточку легче. Но моя речь по-прежнему напоминала скорее язык гуингнмов из «Путешествий Гулливера».

– Анна, – осуждающе протрубила вошедшая Катерина, – я на вас удивляюсь! Вот уже десять минут из вашей комнаты доносятся совершенно аморальные речи! Если так пойдет и дальше, ваш духовный мир сузится до микроскопических размеров! Это минус в вашу пользу! – И, укоризненно качая головой, она приступила к операции «Кормление на убой».

– Извините, Катя, слабость тела провоцирует слабость духа, – попыталась ответить я в похожем стиле, но мне заткнули (скорее залили) рот куриным бульоном.

Не стоило и пытаться. Чтобы воспроизвести речевые обороты нашей Катерины, необходимо внимательно просматривать все ток-шоу, сериалы, а также аналитические телевизионные программы и запоминать наиболее впечатляющие фразы, осмысливать их, а затем выдавать на-гора перлы типа: «Ваше творчество, Алексей, – это тот же самый лебедь. Вылупившись из яйца, он гадкий и страшный. Потом к нему привыкаешь. А теперь если задуматься об услышанном, то можно вкушать все те изюминки, которые вы даете людям». Лешке тогда едва хватило сил с серьезным видом продолжить беседу со своей домоправительницей, хвалившей его творчество. Хохотальное извержение случилось в нашей спальне.

Я послушно давилась бульоном с пирожками. Из-за происков этой вредительской и талантливой кулинарки я никак не могу похудеть, все силы уходят на то, чтобы не расплыться бесформенным куском теста. В другое время я бы слопала позорное количество таких румяных, вкуснейших, рассыпчатых слоеных пирожков с мясом. Но сейчас мое самочувствие оказалось... совершенно бесчувственным, вкусовые рецепторы лежали с температурой, аппетит ушел в аптеку. За всех них отдувалась сила воли, угрюмо дожевывающая второй пирожок.

– Все, Катя, я больше не могу, – просипела сила воли моим голосом. – Очень вкусно, спасибо.

– Что же это, Анна? – всплеснула могучими руками фрекен Катя. – Так вы никогда не поправитесь, Алексей будет потом меня укорять! А вы же знаете, он умеет так говорить, что слова его пронизывают изнутри, доходя до каждого уголка тела.

– Знаю, Катя, знаю. – Я замаскировала невольный смех под кашель. – Не волнуйтесь, Леша все поймет и не станет вас пронизывать.

На Катерину издаваемые мной звуки подействовали, словно превышающий скорость «Мерседес» на инспектора ГАИ. Она немедленно активизировалась, и я сильно поплатилась за свою несдержанность. Через час от меня мало что осталось – после растирания, массажа, обертывания и умасливания. Контрольным выстрелом Катерины стал чай с малиновым вареньем.

К моменту Лешкиного возвращения я казалась себе плоской бумажной куклой из серии «Одень Машу». В моем случае – Аню. Температура упала, я потела так, что Катерине пришлось перепеленывать меня два раза.

– Эй, толстый хомяк, – заглянул Лешка в комнату, – Катерина мне сообщила, что у тебя прогресс наметился. Может, я уже и зайти к тебе смогу?

– Лешка, присмотрись повнимательнее, – прошелестела я. – Где ты видишь толстого хомяка? Перед тобой прозрачная и хрупкая фея, которую на кровати удерживает лишь это грубое, неромантическое ватное одеяло, зачем-то принесенное Катериной вместо легкого пухового.

– Хрупкая, говоришь? – озадаченно взъерошил волосы Лешка. – Но...

– Я, конечно, извиняюсь, – возмущенно встряла Катерина, выглядывая из-за плеча хозяйина, – но я слышала, что вы сказали про одеяло, Анна. Стыдно вам должно быть за такие слова! Так может быть только у мертвого духом человека, от живых же подобные мысли мчатся прочь! Я вовсе не крала ваше пуховое одеяло, вы его просто намочили после чая, вот и пришлось из кладовки старое ватное доставать. А то в ванной висит, сушится!

И домоправительница, гордо развернувшись, направилась к выходу. Лешка бросился следом, бормоча что-то успокаивающее, объясняя все Кате и уговаривая ее. Вскоре хлопнула входная дверь, и муж снова появился на пороге комнаты:

– Еле мне удалось убедить Катерину, что никто не хотел ее обижать.

– Но я действительно...

– Ладно, зайцерыб, расслабься, – улыбнулся Лешка. – Ты лучше расскажи, как с тобой этот конфуз приключился?

– Какой конфуз? – расслабленно поинтересовалась я. Сигнальные системы мирно спали, объевшись пирожков с бульоном.

– Одеяло, говорят, ты промочила, – с притворным расстройством в голосе проныл Майоров. – Постельного белья на тебя не напасешься. Придется в аптеку за памперсами бежать! Недолет, – хихикнул он, провожая взглядом шедевр питерской детективщицы, шлепнувшийся в метре от него.

– Ну, дедунюшка, попомни, – погрозила я кулаком этому негодяю, – вот выпадут у тебя зубы, я тебе жевать не буду!

– Тоже мне, «Нахаленок» нашелся, – проворчал Лешка, поднимая с пола книгу. – Никак ты не тянешь на маленького казачьего хлопчика, это во-первых. А во-вторых – почему ты источником знаний швыряешься?

– О, это очень познавательный источник, – оживилась я. – Благодаря ему я буду тебя теперь каждый день новым именем называть. Так, сегодня ты – Велвл Львович Махараджа, а завтра будешь – Давид Нимфоманиаче!

– Нимфо... кто?! – угрожающе двинулся ко мне Лешка.

– А-а, нельзя! – покачала пальцем я. – Зараза все еще в силе.

– Это точно, – пробурчал Лешка, возвращаясь к дверям. – Никакой грипп ее не берет. Так мне и придется, униженному и оскорбленному, уезжать завтра на гастроли. – И он побрел в кухню.

– Не забудь имя на афише сменить – на «Всеволод Капусткер»! – крикнула я ему вслед.

Лешкина месть, последовавшая после его возвращения в воскресенье, была продуманной и изощренной. И это прекрасно стимулировало мое окончательное выздоровление.

Так что к моменту Сашиного появления в моем доме я была в великолепном настроении и почти таком же состоянии.

Катерина, с которой мы давно помирились, привычно сразила Сашу наповал своими кулинарными изысками. Нашей домоправительнице моя новая подруга искренне нравилась, и к ее приезду всегда готовился чудо-стол.

Увидев Сашу, Катерина всплеснула руками:

– Что же вы с собой сделали, Александра? Неужели начали употреблять табакопроизводные продукты?

– Нет, – улыбнулась Саша. – А почему вы так решили?

– Похудели-то как, побледнели! – сердобольно заквохтала Катерина. – К столу давайте-ка поскорее, покушать вам надо! Всю ночь в дороге, потом работа – смотреть страшно. А жизнь-то течет, бежит, гонится за временем!

– Да я не голодна, – слабо сопротивлялась ее напору Саша.

– Идем-идем, – потянула я подругу в гостиную. – Катя права.

Катерина действительно оказалась права – на Сашу невозможно было смотреть без слез. Она похудела так, что походила теперь на изможденного голубоглазого эльфа. Хотя нет – на прелестную хрупкую бабочку. Казалось, дунь на нее – и она улетит. Я невольно покосилась на окно – пятнадцатый этаж все-таки! Но, как и обычно в марте, окно было закрыто.

Катерина принялась хлопотать вокруг бабочки, стремясь, видимо, превратить ее в шмелиху. Так что поговорить спокойно мы с Сашей смогли только спустя час, когда, с трудом выпав из-за стола и поддерживая друг друга, кое-как добрались до дивана.

Еще минут пять мы повозились, устраивая свои туго набитые пузени поудобнее, и, наконец, я смогла выдохнуть:

– Рассказывай!

Глава 5

– Минуточку, – прокряхтела Саша, – дай отдышаться. К тому же я тебе уже почти все рассказала, осталось только убедить тебя согласиться.

– Сашка, не знаю, как у тебя, а у меня лично есть ощущение, что мой желудок, капитулировав перед натиском Катериной кавалерии, открыл филиал в голове. И теперь у меня там вместо мозгов кусок шоколадного торта. Поэтому я настоятельно рекомендую тебе говорить простыми, короткими и, в то же время, понятными фразами.

– Короткими и понятными? – беспомощно посмотрела на меня Саша. – Это как?

– Это так. Купили в магазине резиновую Зину. Точка. Резиновую Зину принесли домой. Точка. Понятно?

– Угу. Первое упоминание секс-шопа в советской детской литературе в целом и в творчестве Агнии Барто в частности, – кивнула подруга.

– Ты опять?

– Хорошо-хорошо. Значит, так. Мы в конце марта едем в Чехию. Точка. С тобой. Точка.

– Стукну ведь, – вяло пригрозила я. Потом до меня дошло. – То есть как – со мной?!

– Вот за этим я и приехала, – улыбнулась Саша. – Анетка, я очень хочу, чтобы ты поехала с нами в Чехию. Пожалуйста-пожалуйста-пожалуйста! – она умоляюще сложила руки.

– Но зачем тебе моя компания в вашей ситуации?

– Ты пойми: мне невыносимо трудно находиться с Андреем в одном доме! У себя, в Минске, я большую часть дня провожу на работе, вечером погружаюсь в домашние хлопоты, и время своего непосредственного общения с мужем мне как-то удается свести к минимуму. А там, в Чехии, так не получится. Весна, горы, замок, поддержка детей – Андрей объединит все это, включит свое мужское обаяние на полную мощь и пойдет в атаку. Боюсь, что мне трудно будет устоять. Я уже почти забыла об этом, но я все еще женщина, – грустно улыбнулась Саша. – И, несмотря ни на что, мне так хочется верить в лучшее! Но если я опять окажусь законченной идиоткой, поверю мужу, а через какое-то время все возвратится на круги своя – я не знаю, как смогу с этим справиться во второй раз. А Андрей всю последнюю неделю после нашего с Викой возвращения являет собой идеал мужчины: каждый вечер – цветы, семейные ужины в ресторанчиках, дети на него не надышатся, даже в кино в субботу пошли все вместе, чего не случилось уже лет десять.

– Замечательно, – кивнула я.

Что ж, возможно, я ошиблась в Голубовском, и он действительно все еще любит Сашку и боится ее потерять? Кризис среднего возраста мужчины переживают по-разному, а тут еще и искушение в виде значительной суммы денег... А когда он понял, что теряет семью, – опомнился... Ой, что-то меня в гламурный пафос понесло! Штампами психологических статей из журналов, где я сейчас работаю, мыслить начинаю. Вон, врожденный скептицизм аж задохнулся от смеха, его откачивает моя вечная язвительность, одновременно пиная меня в мозжечок. Вот же скунсы, никак не дают настроиться на позитивную волну!

– Но мне все еще непонятно, зачем тебе я? – спросила я Сашу.

– В качестве независимого эксперта, – лукаво посмотрела на меня подруга.

– Кого?! – мои брови предприняли очередную попытку слиться с волосами, но остановились на полпути. Глаза, оставшись без их прикрытия, превратили меня в сову Бумбу.

– Анета, прекрати, – Сашка бросила в меня диванную подушку. – Я серьезно пытаюсь все объяснить, а ты паясничаешь. Понимаешь, твое присутствие в этой поездке даст мне два огромных преимущества. Первое: ты будешь непредвзято наблюдать за поведением Андрея и, надеюсь, сможешь оценить степень его искренности.

– Насчет непредвзятости – это ты погорячилась, – проворчала я.

– Пусть так. – Саша торопливо зачастила: – Если Андрею удастся убедить даже тебя, это будет самым лучшим доказательством его искренности. Разве не так?

– Предположим, – нехотя согласилась я. – А что насчет второго?

– Второго чего?

– Второго преимущества.

– А, да! Оно, пожалуй, не менее важно, чем первое: благодаря твоему присутствию у меня всегда будет повод отказаться от общества Андрея, если мне этого захочется.

– Потрясающая роль! – восхитилась я. – Буфер между поссорившимися супругами. Да еще с замашками независимого эксперта! Такого в моей насыщенной событиями жизни еще не было.

– Вот видишь!

– Сашка, ты меня извини, – я с сожалением посмотрела на подругу, – но я не поеду. Не сердись.

– Почему? – подняла она глаза раненого олененка. (Фу, гадость получилась: Сашка, выковыривающая у раненого олененка глаза...)

– Потому что я абсолютно убеждена – я там буду вам только мешать. Причем всем. Андрея мое присутствие однозначно напряжет, он начнет злиться. Дети почувствуют это, тоже станут нервничать, а крайней окажется ты. И чудесные каникулы в Чехии превратятся в банальную нервотрепку. Оно тебе надо?

– Да ничего подобного! Я, между прочим, прежде чем предложить тебе ехать с нами, обсудила эту идею с детьми. И они очень обрадовались! И Андрей тоже!

– Обрадовался? – скептически усмехнулась я.

– Да! Он готов выполнить любой мой каприз, лишь бы мне было хорошо!

– Почему-то мне кажется, что сейчас ты дословно воспроизвела перл своего мужа, – заметила я.

– Вот видишь! – вскочила Сашка, но тут же плюхнулась обратно – ее набитый живот все еще правил бал. – Он меня зомбирует! Мне не справиться одной, помоги мне, пожалуйста!

– Сашка, не драматизируй, – попыталась я успокоить подругу. – Ты сама нагнетаешь обстановку. Не хочешь возвращаться к мужу – не надо. Дети хотят, чтобы ты вернулась? Но ведь это твоя жизнь, собственная. Дети уже почти взрослые, через пять лет они сами встанут на крыло, заживут по-своему. А ты останешься наедине с человеком, который тебе неприятен. Если же Андрей тебе все еще нужен, если ты сохранила хоть что-то теплое по отношению к нему – тогда миритесь. И проведите эту восхитительную неделю в Чехии.

– Я не знаю, – прошептала Саша.

– Чего ты не знаешь?

– Я не знаю, как я отношусь к Андрею. В душе пусто, гулко и пыльно. Ноль эмоций – ни плюса, ни минуса. Мне нужна эта поездка, чтобы определиться. И нужна ты. Очень! Но, видимо, у меня не получилось объяснить это тебе. Что ж, – она устало потерла лоб, – я не могу тебя заставить...

– И не надо. – А, ладно, почему нет? Замок в горах – это действительно здорово! Давненько я из России не выбиралась. – Лучше скажи, что там надо для оформления визы?

– Так ты едешь? – радостно взмахнула крыльями моя бабочка.

– Если Лешка меня отпустит, – спохватилась я.

– Неужели он может не отпустить? – удивилась Сашка. – Такой самодур?

– Сама ты – не очень умная женщина! – оскорбилась я за мужа. – Просто у Лешки сложилось такое мнение, что, стоит мне уехать куда-либо без него, как я тут же вляпаюсь в неприятности. Хотя по собственной воле я вляпалась всего один раз, в остальных случаях меня вообще никто не спрашивал. Я же тебе рассказывала, помнишь?

– Такое разве забудешь! – улыбнулась Саша. – Давай-ка, я попробую уговорить Алексея. Ну, откуда же взяться каким-то проблемам во время поездки с семьей друзей в цивилизованную старую Европу?

– Попробуй, – вздохнула я. – Тем более что Лешка как раз пришел.

Если честно, мне не верилось, что у Сашки получится. После моего знаменательного «отдыха» с Таньским в Египте Майоров и слышать ничего не хотел ни о каких моих отдельных от него поездках. Но полтора года, прошедшие с тех пор, должны были как-то расслабить моего мужа. Во всяком случае, я очень на это надеялась.

Оказалось, что Лешка совсем не расслабился. Начало переговоров ознаменовалось его категорическим: «Нет!» Результатом следующих сорока минут наших совместных с Сашей усилий стало раздраженное: «Не знаю!» Заключительный этап беседы целиком достался Саше: я благоразумно ретировалась в кухню. Через двадцать минут туда ворвался сердитый Лешка:

– Ладно, уговорили, поезжай! Но учти, если с тобой опять что-то случится, домой можешь не возвращаться! – И он убежал курить на террасу.

Потрясающая своей логикой фраза! Хихикая, я вошла в гостиную. Довольная Сашка хрумкала яблоком.

– Видишь, я же говорила! – Она победоносно посмотрела на меня.

– И как тебе это удалось?

– Трудновато пришлось, не спорю. Решающим аргументом стала твоя недавняя болезнь. Чистый горный воздух тебе сейчас просто необходим. Ох, Анетка, как же он тебя любит! – завистливо вздохнула подруга. – В моей жизни такого не было никогда. Да, кстати, чуть не забыла. Раз ты все же едешь, тебе надо знать: тридцатого марта у Вики день рождения. Восемнадцать лет ей исполняется. Постараемся устроить веселый праздник.

– Ничего себе, кстати! – Я возмущенно фыркнула. – У ребенка день совершеннолетия, а мамаша едва не забыла мне об этом сообщить! Хороша бы я была без подарка и парадно-выходного обмундирования!

– О каких подарках идет речь? – вернулся почти успокоившийся Лешка. Свирепость в его взоре еще поблескивала, но в целом он был почти адекватен.

– Представляешь, у Вики, ее дочери, тридцатого марта день рождения, а эта коала беспамятная чуть не забыла меня предупредить!

– Алексей, – абсолютно не отреагировав на «коалу», мило улыбнулась Саша. – Мы с мужем были бы очень рады, если бы вам удалось приехать на этот праздник.

– Ой, точно! – обрадовалась я. – Лешик, это было бы так здорово! У тебя получится?

– Не знаю, – растерялся Майоров. – Концертов у меня точно в конце марта нет.

– Тогда никаких «не знаю». – Мой тон был непререкаем. – Извольте, любезнейший, явиться тридцатого марта по адресу, который вам сообщат позже. Учтите, обратно вам поручается доставить ценнейший груз – меня.

– Слушаюсь, мой генерал!

Глава 6

Вечер девятнадцатого марта, Белорусский вокзал. До отправления поезда «Москва – Прага» – всего три минуты. Проводник спального вагона уже не отходит от двери моего купе, сбивая костяшки пальцев о ее пластиковую спину. А Лешка все никак не может уйти. Оказалось, что словарный запас проводника вовсе не так ограничен, как мне показалось вначале. Кроме монотонного заученного: «Провожаящим покинуть вагон», у него имелись еще и плаксивое: «Да что же это такое!», «Выходите немедленно!», «Я сейчас милицию позову!»

– Лешик, а может, сразу вместе поедем? – умоляюще посмотрела я на свою половинку. – Ты же все купе забронировал!

– Не получится, зайцерыб, – Лешка щекой потерся о мои волосы, – визы нет. Надо было раньше думать.

– Надо было!

– Но у меня завтра еще запись на телевидении, и только потом я свободен. Зато тридцатого марта я точно приеду, а может, и раньше. Упс!

Поезд плавно тронулся. Дверь в купе вжалась в стену, испуганно подрагивая ручкой. На пороге стояли два милиционера, приготовившиеся за уши вытаскивать обнаглевшего зайца. Но, узнав Майорова, в данный момент находившегося без своих маскировочных очков и бейсболки, они дружно оторопели.

– А... Так... Но... – замычал проводник. Да, мое первое впечатление оказалось верным – со словарным запасом у мужика беда. Чего не скажешь о жировом.

– За мной! – бодро скомандовал Лешка и, вернув на место свою маскировку, побежал к выходу.

Привыкшие подчиняться командам милиционеры шумно утопали следом. В окно была видна вся картина их десантирования из поезда. Получилось неплохо, если не считать того, что один из хранителей порядка тоже прыгнул следом за Лешкой, а потом, опомнившись, с трудом вернулся обратно. Значит, ребята из поездной бригады, а не вокзальные. Но – люди увлекающиеся!

Состав еще только измерял широту Москвы-реки, когда проводник снова потревожил едва успокоившуюся дверь:

– Чайку не желаете?

– Желаю, – приветливо улыбнулась я. – Один стакан.

– С сахаром? – От стремления угодить мне проводник аж залоснился. Похоже, вместо пота у него жир выступает. Загадка метаболизма.

– Обязательно.

– А к чаю чего посуущественнее? Могу предложить кексы, пирожные, печенье...

– Спасибо, не надо.

Нужны мне его кексы! В мой багаж входила внушительная сумка, полностью забитая провиантом. Если судить по ее размерам, Катерина собирала меня в полярную экспедицию. Возражать против безумного количества снеди было совершенно бесполезной затеей, и мы с Лешкой решили не тратить драгоценное время, оставшееся до моего отъезда, на споры с домоправительницей, а провели его гораздо продуктивнее.

Так, посмотрим, что Катерина сочла необходимым для столь «дальнего» путешествия. Ага, пирожки: десять штук с творогом, пятнадцать – с яблоками, пятнадцать – с мясом. Всего-то сорок штук! Мелочи. Производим раскопки дальше. Пять литровых упаковок сока. То-то бедняга Майоров тащил мой багаж с таким трудом! Я-то ругала себя последними словами за очередной приступ тряпкомании и барахлакопительства, в результате чего мой чемодан так надул щеки, что закрыть ему рот мне удалось лишь с третьего раза. А это, оказывается, Кате-

рина мне такую подлянку подбросила! В сумке также обнаружились: связка бананов, яблоки, завернутый в фольгу цыпленок табака и апофеоз – тщательно укутанная в старый Лешкин свитер банка гречневой каши с грибами. Я не знала, от чего мне больше хотелось зарыдать: от смеха или от отчаяния? Каша была еще теплая. Пришлось банку водрузить на столик.

Я с сомнением смотрела на пакеты с пирожками, когда появился проводник с чаем. Увидев эту гору снеди, он понял смехотворность своих недавних предложений, но зауважал меня еще больше. Поставив на столик принесенное, он направился было к выходу, но потом нерешительно затоптался на месте. Учитывая его габариты, даже в достаточно просторном купе СВ мне стало трудно дышать.

– Что-то еще? – Я попыталась ускорить процесс.

– Нет. Да. Да нет! – выдав эту восхищавшую своей глубиной фразу, Хрюн Моржов, пере-квалифицировавшийся в проводники, вышел из купе. Чтобы через секунду вернуться обратно и спросить: – А вас что, Алексей Майоров провожал?

– С чего вы взяли? – Надеюсь, у меня это получилось достаточно правдиво.

– Ну как же! Мы с женой его очень любим, он самый лучший!

«Нра-а-авится, нра-а-авится! – мысленно замурыкала я, словно восторг проводника относился лично ко мне. – Давай дальше!» А Хрюн и давал:

– Я, как его увидел в купе, сразу узнал! А вот когда в вагон он вас сажал – совсем был другой! Эти очки, кепка – ботан гнилой, да и только! Ой, извините, – испугался Лешкин поклонник.

– Ничего страшного, – я взяла в руки стакан с чаем.

Проводник понял намек, но все же не удержался:

– А вы ему кто?

– Я ему автор песен.

– Во-о-от оно что, – с сомнением протянул проводник. Он, похоже, готов был продолжать беседу до бесконечности. Может, кашей его угостить, в качестве отступного? Нет, тогда он точно еще часа два отсюда не уйдет.

– Если у вас все, мне хотелось бы поужинать, – холодной любезности моего тона позавидовала бы сама Кондолиза Райз.

– Ох, простите! – спохватился Хрюн и наконец ушел.

Я тут же демонстративно щелкнула замком, заперев дверь. Надеюсь, он больше не явится. А завтра утром соседние два купе займут Голубовские. Мы заранее договорились купить билеты в один вагон. Андрей даже обрадовался, когда узнал, что это будет СВ. Рассчитывал, видимо, что дети поедут в одном купе, а он с Сашей – в другом. Облом! О котором он завтра и узнает, когда ему достанется Славка.

Так все и произошло. Правда, заставили-таки они меня понервничать, бестолковые. Представляете – состав тихо подплывает к платформе, останавливается, я с нетерпением высматриваю среди встречающих и уезжающих Голубовских, а их нет! Вот уже вышли все, кто ехал до Минска, вот погрузились новые пассажиры, на опустевшем перроне остались только любители покурить, а это семейство хордовых все еще отсутствует! Стоянка в Минске достаточно длительная, двадцать минут. На десятой минуте я завелась, на двенадцатой – прогрела движок, на шестнадцатой расвирепела окончательно. А на восемнадцатой минуте из выхода на вокзал донесся невнятный шум, отдаленно напоминающий элегантный бег стада буйволов по каменистому ущелью. Наконец оттуда, из ущелья... бр-р-р, что это я – из выхода на вокзал, появился пан Анжей Голубовский с чемоданом на плечах. Следом за ним топотали навьюченные сумками Вика и Славка, завершала процессию мелко семенящая на шпильках Саша. У нее, естественно, был самый тяжелый груз. Сумочка.

Увидев это несущееся к вагону стадо, Хрюн на мгновение ощутил себя загнанным Шерханом и попятился. Затем он заметил в тамбуре меня, опомнился и решил грудью, а если придется – и животом защитить близкую знакомую Алексея Майорова.

– Куда, куда, ваши билеты! – грозно затрубил он, закрыв своим телом подступ к ступеням вагона.

– Командир, время поджигает, пусти нас, – Андрей и не думал тормозить. – Билеты у жены, вон она идет.

– Билеты! – это сама решительность, а не проводник, героически выпятила живот у входа в вагон.

– Ой, пропустите их, пожалуйста, – пока не поздно, я решила вмешаться, – это мои друзья. Два пустых купе рядом с моим – их. Я точно знаю.

– Вам – верю! – торжественно объявил проводник и посторонился.

Он даже помог Вике и Славке закинуть вещи, подхватил под локотки Сашу и довольно шустро запрыгнул в вагон сам. Секунд через десять состав тронулся. Я же была в шоке от происходящего, поэтому ушла в свое купе, оставив Голубовских на милость проводника.

Пока они с шумом обустроивались, я ностальгически смотрела в окно на проносившиеся мимо дома и проспекты.

В дверь робко постучали. Я не ответила. Постучали еще раз. Дверь вопросительно смотрела на меня своим зеркалом. Я гордо отвернулась – меня нет дома!

– Анетка, не злись, – Саша не оставляла попыток проникнуть внутрь. – Так получилось! Мы проспали, представляешь?

Я молчала.

– Ну не будь занудой! Не сообщать же мне всему вагону подробности своей личной жизни?

Я – юный партизан на допросе в гестапо.

– Мам, а зачем же тебе о своей личной жизни сообщать? – раздался ехидный голос Вики. – Все гораздо проще – достаточно рассказать всего один факт из биографии тети Ани.

Вот негодяйка юная! Я встала и открыла дверь. Саша тут же просочилась внутрь. Торжествующая Вика попыталась было повторить мамин фокус. Да, конечно!

– А вот начинающим шантажисткам здесь не место! – обрушилась на нее увесистая кувалда моего возмездия.

– И не собиралась даже! – фыркнула кареглазая хитрунья. – Я просто увидела у вас на столе пирожки, хотела угоститься. Но, если вам жалко, я пошла. – И она с независимым видом направилась к своему купе.

– Отставить! – рявкнула я. – Кру-у-угом! Ко мне шагом марш!

– Теть Ань, вы в армии не служили? – восхищенно поинтересовался высунувшийся из своего купе Славка. – Прапором, например?

– Рупором я служила и служу! Рупором общественности. Иди-ка и ты сюда, – поманила я Сашиного сына. – Так вот, дети мои...

– Мои! – встряла Сашка.

– Да ради бога! Короче, хотите загладить свою вину перед бедной изнервничавшейся тетечкой Анечкой?

– Хотим!

– Тогда забирайте вон ту гигантскую сумку с едой и займитесь ею вплотную. Особенно банкой с кашей.

– Ура! – завопил Славка, обнаружив Катеринины припасы. – А мы как раз ничего не взяли, даже позавтракать не успели. Папа собирался в вагон-ресторан нас вести. А тут такая вкуснятина!

– Желудок ходячий! – с презрением заклемила брата Вика.

- Не хочешь – не ешь, – немедленно парировал Славка. – Я тогда себе всю сумку забираю.
- Эй-эй, не так быстро! – возмущенно завопила Вика и убежала следом за унесенной сумкой.

Глава 7

Саша закрыла дверь купе и с улыбкой повернулась ко мне:

– Ты себе хоть что-то оставила? Иначе ты рискуешь сильно, мои термиты уничтожают все съедобное с рекордной скоростью. Особенно Славка.

– Оставила, – буркнула я, изо всех сил стараясь удержать на лице угрюмое выражение. Брови взлохматить, что ли, для придания нужного колорита? – Вон, пирожки с яблоками и с творогом. Кстати, ты кормить детей не пробовала? Хоть иногда?

– А надо? – искренне удивилась Сашка, усаживаясь напротив меня.

– Существует такая традиция. Правда, сохранилась она только в российской глубинке, но, говорят...

– Ладно, Анетка, – рассмеялась подруга, – хватит пыжиться, тебя ямочка на щеке выдает. Я наконец не выдержала и рассмеялась.

– Ладно, рассказывай.

– О чем?

– О том, как семейство ленивцев чуть было не довело ранимую женщину до инфаркта.

– Ох, и не говори, – устало махнула рукой Сашка, устраиваясь поудобнее. – Сама только что поверила, что все обошлось. Сейчас бы кофейку!

И, словно в ответ на ее слова, в дверь постучали, а затем на пороге материализовался проводник с подносом:

– Чего желаете: чай, кофе, сливки?

– Вы очень кстати, – мило улыбнулась я. – Два кофе, пожалуйста. Сливки будешь? – поинтересовалась у замершей от неожиданности подруги. Та зачарованно кивнула. – Со сливками. И с сахаром.

– Сей момент!

И вот уже на нашем столике, словно бы курят ароматный кальян, две чашки кофе, небольшая пластиковая сахарница кокетливо прикрылась круглыми упаковками сливок, а ловкий джинн, принявший облик проводника, тихо прикрыл дверь, пожелав нам приятного аппетита.

– Ничего себе! – Сашка с восхищением смотрела то на дверь, то на меня. – Ты что успела сотворить с этим беднягой, а? Околдовала его, загипнотизировала или свои навыки палача на нем шлифовала, чтобы квалификацию не потерять?

– А почему ты не допускаешь мысли, что все это – исключительно благодаря моей уникальной красоте и сокрушительному обаянию?

– Я бы допустила эту мысль, постучи она в мою голову. Но, увы, там все тихо, – хихикнула Сашка.

– Злая ты. И необъективная. Но, если честно, это благодаря Лешке.

– В смысле? Он дополнительно заплатил проводнику?

– Нет. Просто наш колобок в кителе оказался давним поклонником Алексея Майорова, вот мы и купаемся в лучах Лешкиной славы.

– Люблю я в ней купаться! – довольно зажмурилась Сашка. – А особенно когда такие вкуснюшки предлагают!

И мы наконец смогли отдать должное кулинарному мастерству Катерины. Лидировала в этот раз Сашка, причем ее лидерство было неоспоримым.

– Она еще своих детей термитами называла! – не выдержала я. – Так ведь есть в кого! Давай-ка, голубушка, начинай лучше свои оправдательные речи.

– Почему оправдательные? – удивилась было Сашка, но, заметив первые признаки возвращения моей эмоциональной бури, опомнилась: – А, ну да! Представляешь, вчера вещи собирали почти до ночи. Все никак не получалось достичь баланса между количеством рук и

количеством сумок, мы перепакывались не один раз. Спать легли в начале второго. И я, практически ничего не соображая от усталости, поручила завести будильник Андрею. Несколько раз повторила – на семь утра, он даже психанул: «Что ты меня за идиота держишь!». Ладно. Легли спать. И представляешь: просыпаюсь – а уже совсем светло! Я на часы смотрю – половина восьмого. А поезд прибывает в восемь двадцать! Врываюсь к Андрею – храпит себе, часики тикают, будильник установлен на...

– Восемь, – понимающе усмехнулась я.

– Точно. Ну, он и получил! А что толку, если, как назло, и такси вызвать не получается! «Извините, в вашем районе машин нет». Жуть! – нервно укусила Сашка очередной пирожок. – Я в принципе ненавижу опаздывать, а уж на поезд, который ждать не будет, – хуже не придумаешь! – она зябко передернула плечами.

– Это точно. Мне тут тоже пришлось несладко. Представляешь, что было бы, если бы вы все опоздали? Приехала бы я одна в Прагу, а дальше что? Кстати, а действительно – что? Я ведь даже нашего маршрута и места назначения толком не знаю.

– В Праге нас встретит тот самый приятель Андрея, который и пригласил нас в гости. Зовут его Фридрих фон Клотц...

– Немец? – удивилась я. – А что он делает в Чехии?

– После принятия закона о реституции он доказал свои права на замок, расположенный в Шумавских горах. Чехи очень бережно относились к замкам, устраивали в них музеи, поэтому практически все они пребывают в прекрасном состоянии. А герр фон Клотц давно облизывался на свое родовое гнездо, в их семье бережно хранились все необходимые документы. Его родители надеялись, что коммунисты когда-нибудь все же уйдут и фон Клотцы смогут вернуться в свои владения. Как видишь, надеялись не зря. Их наследник, последний из...

– Могикан, – хихикнула я.

– Почти. В общем, сегодня Фридрих фон Клотц – счастливый владелец великолепного замка в одном из красивейших мест Чехии. Никакого музея там теперь нет, герр Фридрих обосновался в своем гнезде лично.

– А ты откуда знаешь про красоту и великолепие?

– Андрей показывал фотографии, присланные фон Клотцем. Знаешь, даже не верится, что эта сказка действительно может принадлежать одному человеку! А какие там горы красивые, – мечтательно улыбнулась Сашка. – Я так рада, что ты согласилась поехать. Поверь – не пожалеешь! Фотоаппарат, надеюсь, взяла?

– Да у меня в мобильном телефоне все есть. Мне вот только одно непонятно... – Я задумчиво водила кофейной ложечкой по столу. – С чего вдруг этот фон изъявил такое горячее желание поселить у себя на целую неделю толпу русских? Если бы они с Андреем были давними друзьями – это одно. А так... Ты слышала про этого Фридриха раньше?

– Нет, – пожалала плечами Саша. – Но это ничего не значит. Последние годы Андрей мне о своей жизни и друзьях вообще не рассказывал. Не считал нужным.

– А теперь он что говорит?

– Что с фон Клотцем он знаком уже три года, их партнерские отношения постепенно переросли в приятельские. Вроде Фридрих даже приезжал пару раз в Минск, но тогда Голубовский не счел нужным нас познакомить. А теперь, когда Андрей поделился с приятелем своими проблемами, тот и предложил нам всем провести недельку в его замке.

– Как трогательно! – Я промокнула сухие глаза салфеткой.

– Язва ты, Анетка.

– А разве не это мое качество явилось одной из причин моего участия в поездке? – вежливо поинтересовалась я.

Спорить Саша не стала. Вскоре к нам снова заглянул поклонник Майорова, забрал посуду и упорхнул. Очень он сейчас был похож на бегемота в балетной пачке из какого-то мультика.

Оставшаяся часть пути прошла достаточно быстро. Скучать мне не приходилось: надо было мирить постоянно цапающихся Вику и Славку. Андрей развлекал всех карточными фокусами, шутил, смеялся и вообще – был сама предупредительность. Мои язвительность и скептицизм озадаченно чесали затылки. Вернее, затылок. Мой. Изнутри свербели, гады. Придаться им, видите ли, было не к чему. Вот и хорошо! Пусть все будет хорошо. Горы, лес, замок и...

Герр Фридрих фон Клотц, встречающий нас на Пражском перроне. Почему-то я сразу выделила из толпы именно этого смазливового блондина. И оказалась права. Пока продолжалась процедура взаимного представления, я с любопытством рассматривала фон Клотца. Откуда-то из чердачных углов памяти вылезли, чихая и отряхиваясь, фразы типа «истинный ариец», «потомственный аристократ» и вообще непонятно откуда взявшаяся «белокурая бестия». Давно мне пора на чердаке убраться, какой только ерунды там не накопилось! Но в данном конкретном случае вся эта ерунда как нельзя лучше подходила к личности Фридриха фон Клотца. Довольно молодой мужчина, не старше тридцати, высокий, спортивного телосложения, изящные руки с длинными пальцами, красивое породистое лицо, густые волосы – казалось, само совершенство снизошло до общения с нами. Если бы не одно «но». Общее впечатление, на мой взгляд, изрядно портили его блекло-голубые, словно выцветшие, глаза и очень светлый, почти белый, цвет волос. И еще. Как и положено воспитанному человеку, фон Клотц приготовил цветы для дам, причем самый красивый, изысканно-нежный букет он вручил раскрасневшейся Вике. Оказалось, что Фридрих неплохо говорит по-русски. Смешно коверкая слова, он рассыпался в комплиментах, восхищался и сиял улыбками. Но его блеклые глаза в это время рассматривали нас холодно-отстраненно, как-то оценивающе. Словно он прикидывал в уме нашу стоимость.

Та-а-ак, похоже, ко мне в гости решила заглянуть паранойя! Враги мерещатся повсюду. Увидела бесцветного фрица и вообразила себе невесть что. Кстати, ведь сокращенное от Фридрих и есть Фриц. Так и буду его звать, этого мучного червя.

А мучной червь тем временем привел нас к сверкавшему лаком новенькому микроавтобусу «Фольксваген-Шаран». Помогая нам садиться, фон Клотц поинтересовался:

– Может, вы хотите что-то перекусать? Мы будем ехать два, может, три часа. А в замке нас ждать большое кулинарное чудо, которое приготовить мой повар Гюнтер. Будете потерпеть или все же перекусать?

– Мы не хотим никого кусать, – хихикнул Славка. – Мы хотим терпеть.

– Клоун, – зашипела на него Вика и улыбнулась фон Клотцу: – Извините его, пожалуйста, он, к сожалению, глуповат у нас. Мы не голодны, так что поедем поскорее. Да, мама?

– Разумеется, – поддержала дочку Саша, и мы расселись, как кому хотелось, под тихое недовольное бурчание Славки.

Глава 8

Поскольку мест в «Фольксвагене» было более чем достаточно, все предпочли разместиться возле окон, уж очень красива была Прага! Пока «повозка» петляла по узким улочкам города, выбираясь на простор, наши шеи подверглись серьезнейшим испытаниям: никогда еще их не поворачивали на такой немислимый градус. Моя собственная вымя взбунтовалась и возмущенно захрустела. Но ведь интересно же!

Фон Клотц, заметив наши мучения, засмеялся:

– Не надо так крутить голова, а то можно потерять! Хотя я, – многозначительно посмотрел он на Вику, – уже готов делать это. Но по другой причина. А вы не волноваться, я обязательно возить вас в Прага на экскурсия. Мы увидят все самое интересное: Карлов мост, ратуша...

Он говорил и говорил, обращаясь ко всем нам, но взгляд его при этом был устремлен только на Вику. Девушка старательно смотрела в окно, делая вид, что ничего не замечает, но ее щеки вели себя совсем по-рenegатски: они алели так, что отсвет падал на мочки ушей.

Ее реакция была совершенно понятна и объяснима. Если смотреть на фон Клотца глазами юной романтической девчонки, а не потрепанной жизнью ироничной лисы, – КРАСИВЫЙ, ВЗРОСЛЫЙ мужчина так откровенно ею восхищается, смотрит почти влюбленно, говорит так бархатно! Вот она, любовь с первого взгляда!

А старая лиса, выбивая лапой пыль из шубы, никак не может взять в толк – что задумал герр фон Клотц? Вика – девушка очень симпатичная, спору нет: каштановые волосы, брови вразлет, огромные миндалевидные глаза, делающие ее похожей на героиню японских аниме. Да еще и очень пропорциональная фигурка, не нуждающаяся в силиконовой коррекции. От всего этого действительно можно потерять голову. Но! Через десять минут после знакомства об этом может заявить только реальный тусовочный пацан в растянутых трениках. Да и звучать это будет несколько иначе, приблизительно в таком изысканном стиле: «Ты клее-евая телка, я от тебя тащусь, пошли...!» А когда опытный, искушенный мужчина, в донжуанском списке которого явно значится не одна женщина, изображает из себя юного Ромео, шерсть на загривке у лисы встает дыбом, а хвост начинает нервно подрагивать. Еще и букеты, приготовленные фон Клотцем для нашей встречи, – слишком уж отличался Викин букет от двух остальных.

Ладно, поживем – увидим. Вика не одна, рядом с ней и мать, и вредная тетка, так что девчонка под надежным присмотром.

А тем временем наш «народный автомобиль» вырвался наконец на простор автострады и взял направление на Пльзень, если верить дорожным указателям.

– О, пиво! – оживленно потер ладони Голубовский. – Обожаю пльзенское!

– А мне кажется, что тебе по вкусу должен больше прийтись «Велкопоповицкий козел». – Я мило улыбнулась, глядя на Андрея невинным взором.

– Язык у тебя! – улыбнулся в ответ пан Анжей и покачал головой.

– Что с ним такое?! – перепугалась я и, высунув свой язык как можно дальше, отправила глаза в разведку. – Уф, на месте. Зачем же так пугать-то?

– Я имел в виду – он у тебя длинный и раздвоенный, – уточнил Голубовский под дружное хихиканье семьи.

– Да, – скромно согласилась я, – все правильно. Уникальные особенности организма, между прочим! За отдельную плату могу плюнуть. Ядом. На большое место. По утверждению уже пролеченных, я творю чудеса. Вот у вас, господин фон Клотц, есть какие-либо проблемы со здоровьем?

– К счастью, нет, – рассмеялся тот. – И звать меня Фридрих, битте. Для всех. Анж мой друг, и его семья мой друг. И друг семья – тоже друг.

Анж! С ума сойти. Разве для мужчины...

Но дальше мне ворчать расхотелось, поскольку пейзажи за окном вызывали совершенно иной настрой. словно огромная ласковая ладонь, вылепившая когда-то эти округлые плавные холмы, нежно гладила мою душу, стирая усталость, злость, раздражительность и недоверие. Откинувшись на сиденье, я умиротворенно наблюдала за тем, как земля, словно стесняясь своей наготы, постепенно закрывалась шубкой леса. Кое-где в этой шубке еще сверкали прорехи, но чем дальше мы ехали, тем гуще и наряднее становилось лесное убранство. Мы давно уже проехали Пльзень, проскочили Клатовы, город, название которого отчасти напоминало фамилию нашего любезного хозяина, несколько раз пересекли реку со смешным именем Углава. Горы становились все круче, хотя эта крутизна ощущалась, только когда едешь по дороге, опоясывающей саму гору, а так... Захотелось мне вдруг обрасти бородой, надеть растянутый свитер и, разложив костерок прямо на полу «Фольксвагена», громко загорланить: «Под крылом самолета о чем-то поет зеленое море тайги-и-и!», потому что нас окружало именно оно, зеленое море, уходящее волнами за горизонт.

– Мой замок стоять почти граница Австрия, – нарушил мой мысленный бардовский концерт фон Клотц, – еще двадцать минут, и мы приедем.

– Фридрих, до чего же здесь красиво! – восхищенно проговорила Саша. – Вы, наверное, самый счастливый человек на земле!

– Почти, – томно вздохнул герр и снова принялся гипнотизировать Вику: – Вот только в личной жизни нет счастья.

– Прошла любовь, увяли помидоры, – ехидно встрял Славка, косясь на сестру.

– Что? – недоуменно поднял брови фон Клотц. – Я не понимаю, какие помидоры?

– Славка! – предупреждающе рыкнул Андрей.

– Не обращайтесь внимания, Фридрих, – презрительно посмотрела на брата Вика. – Я же вас предупреждала. Слава у нас недоразвитый, на него грех обижаться.

– Это кто тут debil? – моментально завелся Славка. – На себя посмотри, коза!

– Вика не есть коза, – мягко улыбнулся фон Клотц. – Вика есть грациозный лань.

– Ой, не могу! – заржал нежный брат. – Сестричка, ты в каком виде лань кушать предпочитаешь – в сыром или жареном?

– Урод! – Вика сжала кулачки и отвернулась к окну.

– Я что-то опять не так сказать? – Фридрих сокрушенно посмотрел на друга.

– Все так, – успокаивающе похлопал его по плечу Андрей. – Ты действительно не обращай внимания на выходки моего парня. Вспомни себя в его возрасте.

– Да, конечно, – герр попытался изобразить дружелюбную улыбку, – помню, моя мутер ругать меня...

– Ну и память! – восхитился Славка. – Как у слона! Это же сколько лет назад было?

Родители хором зашикали на сына, а я незаметно подмигнула ему. Похоже, наши со Славкой мнения по поводу персоны Фридриха фон Клотца совпадали. Хотя и вариант приступа подростковой вредности тоже не исключался.

Дорога тем временем в очередной раз вильнула «бедром», и оказалось, что мы едем не на обычной машине, а на машине времени. Потому что место, куда мы попали, никак не могло принадлежать двадцать первому веку. Девятнадцатый, и никак не раньше.

Уютная ложбинка-долинка в горах, надежно защищенная со всех сторон. От основной трассы к ней радостно бежит собственная дорожка, ровная и гладкая, в конце пути преданно уткнувшаяся носом в кованые ворота. Высоченная, сложенная из дикого камня ограда могла бы показаться мрачной, не будь она практически полностью увита плющом и девичьим виноградом.

Ворота, украшенные затейливым вензелем, торопливо открываются перед хозяином, угодливо поскрипывая, и мы въезжаем... Даже Славка затих, ошарашенно глядя по сторо-

нам, что уж говорить про взрослых! Эх, жаль, что у меня нет шляпки с ленточками! При чем тут солнце на темечко – подбородок надо ленточками подвязать, чтобы моя нижняя челюсть выглядела более-менее достойно. А то я устала ее руками подхватывать.

Посреди огромного ухоженного парка, очень продуманно украшенного каскадами и фонтанами, надменно взирал на нас окнами дворец. Именно дворец, поскольку замок в моем представлении – это что-то мрачное, серое, сложенное из грубо обтесанных камней. Солома еще обычно вокруг валяется, челядь за курами гоняется, свиньи в лужах возятся... Средневековье, в общем. Или комната моего бывшего мужа.

А тут... Жаль, совсем я не разбираюсь в архитектурных стилях, но почему-то на ум приходит что-то «кококающее»: рококо или барокко. Светлый и сверкающий, дворец казался леденцовым. Он не был очень большим – трехэтажное основное здание и одноэтажные боковые пристройки. Все это было украшено затейливыми башенками, словно торт розочками.

– Ну как? – довольный произведенным впечатлением, поинтересовался фон Клотц. – Хороший домик?

– Ни фига ж себе домик! – выразил общее впечатление Славка. – Я такое только в кино видел. И вы тут один живете, в этой громадине?

– Зачем один? Я иметь большой штат прислуга для поддержаний порядок. Охрана, садовники, дворецкий, горничные, повар, конюх – много прислуга, много.

– Конюх? – переспросила Вика. – Так у вас и лошади есть?

– Самый лучший! – прищелкнул пальцами фон Клотц. – А фройляйн Вика любить лошади?

– Очень!

– Тогда завтра мы с вами кататься на лошадь.

– Но я не умею! – расстроилась Вика.

– А я вас учить, – бархатным голосом пообещал Фридрих. Так, похоже, он собирается учить девчонку не только верховой езде.

В этот момент входная дверь распахнулась, и к нам направился вальяжный седой господин в безупречно сидящем костюме.

– Хельмут, мой дворецкий, – представил его фон Клотц. – К сожалению, Хельмут не знает русский язык. Если кто-то знает немецкий – смело обращайтесь сразу Хельмут с любой просьба.

– Увы, – развел руками Андрей, – немецкого мы не знаем. Правда, насчет Анны я не в курсе. – И он вопросительно посмотрел на меня.

– Нет-нет, я вообще ни одного иностранного языка не знаю, – зачем-то соврала я. Почему я решила утаить свой неплохой английский – понятия не имею. Саша удивленно посмотрела на меня, но промолчала.

– Тогда все общаться только со мной, – вежливо улыбнулся Фридрих. – Что-то захотеть – говорить мне. Я отдавать нужный распоряжение. Такой порядок нормально?

– Вполне, – кивнул Андрей.

– Тогда – добро пожаловать!

Глава 9

Дрожащими руками я ощупывала стену за спиной, надеясь найти хоть какую-нибудь щель. Ничего. Только мелкие камешки осыпаются под моими приплясывающими пальцами. Ну что ж, придется признать очевидное – меня загнали в ловушку, выхода нет. Остается одно – принять бой. Я гордо выпрямилась, одернула выцветший жесткий свитер, поправила воротничок когда-то белой рубашки, из-за известкового налета ставшей сероватой, и сжала в кулаки руки, занявшие первое место в чемпионате ловкости. А кольцо вокруг меня сжималось. Тетки из первого ряда, плотоядно глядя на мой свитер и рубашку, доставали из сумок «Ласку – магию бальзама» и «АСЕ». Еще одна радостно протягивала мне тазик с очень удобно упакованными бульонными кубиками. За их спинами мелькали Доктор Пропер, Мистер Мускул и прочая нечисть. Вернее, чисть. Отталкивая друг друга, они наперебой заорали:

- Олух!
- Кретинка!
- Урод прыщавый!
- Обезьяна раскрашенная!
- Мама, ну почему нельзя было ограничиться одним ребенком!
- Потому что первый блин всегда комом! Таким рыхлым, противным комом!
- Ненавижу!
- Вика, Слава, да что же это такое! Как вам не стыдно!

Уф, это был всего лишь сон. Меньше надо телевизор смотреть, а то даже здесь, в Чехии, я не удержалась и включила русский канал. Вот и получила.

В коридоре тем временем разгорался очередной скандал. За те два дня, что мы провели в таком потрясающем месте, детки успели поцапаться уже раз пять. Сегодняшний ор – уже шестой. И причем никто из старших не в состоянии уследить, с чего же обычно все начинается, что служит первопричиной их ссор. И Вика, и Слава – очень хорошие ребята: умные, в меру ехидные, добрые, честные. С ними интересно общаться. С каждым в отдельности. Но когда они находятся в зоне видимости друг друга, начинается свара. Я не знаю, было ли так всегда, но сейчас каждый такой скандал заканчивается слезами. Сашиными. Которые она может показать только мне. После того как, отчитав своих отпрысков, сердито уходит, хлопнув дверью.

Ну вот, что я говорила! В дверь моей комнаты постучали.

– Входи, Саша, – я встала с постели и накинула халат.

– А как ты догадалась, что это я? – нарочито бодро поинтересовалась подруга, закрывая за собой дверь.

– Ясновидящая потому что, – отдернув шторы, я повернулась к Сашке, – а еще яснослышающая.

– Разбудили мы тебя, да? – расстроилась та. – Вот что мне с ними делать, Анетка, подсажи! Взрослые почти люди, Славке в феврале четырнадцать стукнуло, Вике через неделю – восемнадцать, а ведут себя как дети малые. Хотя нет, – улыбнулась подруга, – когда они были маленькими, то очень любили друг друга. Помню, я водила Вику на иглоукальвание, так ты бы видела, как Славка жалел сестру! Она лежит, вся в иголочках, а этот трехлетний карапуз подойдет, осторожно ее обнимет, щекой к ней прижмется и сопит. Врач до слез умилилась. А теперь! – Сашка огорченно махнула рукой и села в кресло.

– Ты очень правильно сказала только что, – я устроилась напротив, – Славку именно стукнуло – его четырнадцатью годами. Этому возрасту дали довольно дурацкое название – пубертатный период. А дурацкое название, я думаю, должно отражать не менее дурацкое поведение. Славке к тому же приходится взрослеть в довольно-таки сложной ситуации. В феврале, говоришь, ему четырнадцать исполнилось? И как, весело отпраздновали?

– О чем ты! – поморщилась Саша. – Самый разгар кризиса: я с Викой у мамы, Славка – дома, с отцом и чужой теткой. Андрей дал ему денег, и парень сходил с друзьями в пиццерию. Потом он к нам заехал, я «Наполеон» испекла, поздравили мы его. Сидели за столом и старательно изображали, что нам очень весело, что все, как обычно. – Сашка нервно передернула плечами.

– Вот видишь! Что ж ты хочешь от парня, сама ведь говорила про его характер.

– Но Вика могла бы быть посдержаннее, она же знает, как мне тяжело слышать эти скандалы. Приехали отдохнуть, семью скрепить – получается просто замечательно! – усмехнулась подруга. – Перед Фридрихом неудобно.

– Вот за Фридриха как раз не переживай, – я ехидно прищурилась. – Он, по-моему, доволен вашим присутствием, и даже очень.

– С чего ты взяла?

– А ты ничего не замечаешь, да?

– О чем ты? – удивленно приподняла брови Сашка. Она что, на самом деле ничего не видит? С ума сойти!

– Да он же с первой минуты знакомства вокруг Вики приплясывает, хвост распускает попышнее! Прогулки в парке, обучение верховой езде, поездка в Клатовы.

– В Клатовы с ними Славка ездил.

– Потому что веской причины отказать ему эта парочка не нашла.

– Какая еще парочка, что ты выдумываешь! Девчонке семнадцать лет!

– Восемнадцать! Почти.

– Неважно. А фон Клотцу – тридцать один. Какие тут могут быть отношения, кроме приятельских! Просто Фридрих – очень вежливый хозяин, развлекает нашу дочь, чтобы мы с Андреем больше времени проводили друг с другом.

– И как?

– Что как?

– Много времени ты проводишь вместе с мужем?

– Ты же знаешь, что нет, – укоризненно посмотрела на меня подруга. – Мы ведь в основном с тобой вместе, а Андрей – со Славой.

– Ага, а Фридрих – с Викторией.

– Ну да...

– И все в порядке?

– Не понимаю, что тебя не устраивает? – пожала плечами Саша. – Все складывается просто замечательно, никто никому не досаждаст, все наслаждаются отдыхом, одна ты что-то придумываешь.

– А разве не для этого ты меня пригласила? Чтобы я трезво оценила ситуацию?

– Да нечего тут оценивать, все просто замечательно: этот дворец, горы, а воздух какой! – Сашка сладко зажмурилась и потянулась. – Если бы еще детки мои это оценили по достоинству и не портили настроение ни себе, ни окружающим! Ладно, давай, приводи себя в порядок, завтрак через полчаса. Не забыла про наши сегодняшние планы?

– «Маргышка к старости слаба глазами стала», – процитировала я классика, – но никак не головой. Я все прекрасно помню. Выезжаем сразу после завтрака.

– Ладно, маргышка, – улыбнулась подруга, – жду тебя внизу через полчаса.

И бабочка упорхнула. Ну вот, посидела, сама себя успокоила, и слышать она больше ничего не хочет. Ее волнуют только ссоры детей.

Саша действительно наслаждалась отдыхом, и я с энтузиазмом присоединилась к ней. Но порхать в эйфории я разучилась давно. Слишком часто судьба гонялась за мной с тапкой, стремясь прихлопнуть. А вот Сашку, похоже, успешно усыпляет эфир легкого безделья, полное отсутствие забот, общая сказочная атмосфера.

Я, конечно, порхаю рядом с Сашкой с огромным удовольствием. Но в противогазе. И на меня эфир не действует.

Гуляя с подругой по окрестностям, я постоянно замечала сладкую парочку – фон Клотца и Вику. Выражения их лиц, глаза, жесты – товарищи по партии любителей верховой езды так себя не ведут! Маленькая кареглазая мушка, похоже, основательно влипла в сладкие сети, а блондинистый паук оплетает ее паутиной все плотнее, чтобы добыча не вырвалась. Я, конечно, пытаюсь им помешать, регулярно появляясь с Сашей у них на пути, но беспечная мамаша не дает мне развернуться по полной программе. Хотя фон Клотц и так уже поглядывает на меня все более и более раздраженно.

Моим надежным союзником является Славка. Он откровенно выслеживает парочку и досаждаёт им в меру своих скромных сил. Естественно, делается это вовсе не из-за беспокойства о сестре, но тут важен результат. Правда, парню не дает развернуться Андрей, который старается таскать сына повсюду с собой.

Кстати, об Андрее. Насколько я помню, вся эта поездка была затеяна им с одной целью: вернуть мир в семью, убедить Сашу забрать заявление из ЗАГСа о разводе. Я помню ее рассказ о стараниях Андрея перед отъездом – все эти букеты, ресторанчики и кино. В дороге Голубовский тоже был очарователен и обходителен. Но, как только мы переступили порог замка, все изменилось. Нет, Андрей вовсе не стал хамом и грубияном, он по-прежнему вел себя безупречно и вежливо. Но от него теперь ощутимо веяло холодом, он не предпринимал больше абсолютно никаких попыток сближения с женой. Так, перебрасываясь с ней парой ничего не значащих фраз, и все. Сашку это совершенно не напрягало, скорее наоборот – того, чего она боялась больше всего, не происходило. Можно было расслабиться и наслаждаться отдыхом.

А я терялась в догадках. Зачем, почему? Кстати, Андрей явно поощрял ухаживания фон Клотца и старался помочь приятелю почаще оставаться с Викой наедине. Похоже, он просто сводил их вместе. Наверное, и вся эта поездка была затеяна с одной целью – подложить дочь под богатого партнера, поженить их быстренько и стричь дивиденды? Тогда и его стремление помириться с женой вполне объяснимо – без матери Вика ни за что бы не поехала в Чехию. Теперь цель достигнута, дочь доставлена по назначению, можно не напрягаться. Дальше пусть старается фон Клотц.

Он и старается. Просто воплощенная мечта романтической девушки – принц из замка! А грузному мотыльку в противогазе все нейдет. Ему-то, фон Клотцу, зачем все это нужно? Если я права, и Андрей действительно организовал вояж в Чехию для того, чтобы заполучить выгодного зятя, то он сам и должен прилагать все усилия для достижения результата. А пан Голубовский всего лишь сдерживает вредительский энтузиазм своего сына. Во всяком случае, под дверью спальни фон Клотца связанную Вику я пока что не находила. И не было рядом ее папаши в ночном колпаке, угодливо склонившегося в поклоне. Зато совсем не юный «принц» пускает в ход, похоже, весь свой арсенал оболъщения. И ему очень мешает присутствие двух никому не нужных теток, одна из которых к тому же является матерью прелестницы. Ну как затащишь девушку в постель в такой ситуации? А без нее, без постели, результат не закрепиться.

Ладно, разберемся! Может, я на самом деле зря драматизирую? А сейчас мне действительно пора собираться.

Глава 10

Вчера, вернувшись из Клатовы, Вика восхищенно рассказывала нам о каком-то супермагазине, где «столько прикольных штучек, ма, ты бы видела!».

Мы сидели в комнате Саши. Вернее, сидели мы с подругой, а Вика возбужденно металась из угла в угол, совершенно не замечая расставленной мебели. Последней, привыкшей исключительно к аристократичным особам, приходилось в полуобморочном состоянии прижиматься к стенам. Изыщные ножки столов и стульев нервно дрожали, спинки зажмуривались от ужаса, про сиденья же я вообще молчу!

А юная носорожка, упорно не обращая внимания на мебельную истерику, продолжала топотать, оживленно жестикулировать и закатывать сияющие глаза.

– Неужели тебе действительно так понравилось? – улыбалась, глядя на дочь, Саша. – Когда мы проезжали через этот город, я ничего особенного не увидела.

– Проезжали! – презрительно фыркнула Вика. – Вот именно, что проезжали. Проскочили! Просвистели! А там очень красиво, и Фридрих столько интересного знает: и про историю города, и про архитектуру, и легенды разные. В следующий раз он пообещал отвести нас со Славкой на экскурсию в катакомбы.

– Со Славкой? – скептически усмехнулась я.

– А куда от него денешься! – тяжело вздохнула девушка. – Он, как услышал про катакомбы и склепы, пристал к Фридриху намертво. Одна надежда на папу – вдруг ему удастся увлечь этого монстра чем-то другим?

– Ну да, ну да, – покивала я, – если только папа...

– А как там вкусно готовят в одном ресторанчике, м-м-м! – блаженно зажмурилась Вика, совершенно не обращая внимания на мой сарказм. Сарказм обиженно надулся и отвернулся к окну.

– Можно подумать, здесь нам полуфабрикаты в микроволновке разогревают, – пришла сарказму на выручку Саша.

– Гюнтер – тоже классный повар, – согласилась Вика, – но там – совсем другое дело!

– Да, потому что там наша дева была со своим верным рыцарем, – съехидничала я. – Который, вероятно, кормил даму сердца с ложечки.

– Дурацкая затея, между прочим, мне сразу захотелось слюнявчик надеть, – автоматически брякнула дама сердца, но, спохватившись, покраснела: – А вы откуда знаете?

– Бабушка все знает, – заскрипела я, мелко трясая головой. – Бабушка до-о-лго живет и даже кое-что помнит. А ты кто, деточка?

– Да ну вас! – рассмеялась Вика и убежала.

Мебель облегченно вздохнула.

– Слушай, Анетка, – задумчиво проговорила Саша, – а не съездить ли нам с тобой завтра в Клатовы? Узнаю у Фридриха адрес понравившегося Вике магазина, надо бы посмотреть, что там такое особенное продают. Я, конечно, приготовила дочке подарок на день рождения, но вдруг попадется что-то поинтереснее. Ты как?

– С удовольствием! – загорелась идеей я. – Надеюсь, фон Клотц разрешит воспользоваться одной из его машин. Чур, я за рулем!

– Да пожалуйста, – улыбнулась Сашка. – Я и не претендую. Хоть водительские права у меня есть, а ездить боюсь. Кстати, а ты пробовала водить по горной дороге?

– По пустыне пробовала, по горам пока не приходилось. Вот завтра и внесу этот жизненный опыт в свою копилку.

– Может, лучше попросим Фридриха и шофера вместе с машиной одолжить? – Саша, похоже, отнеслась к пополнению моей копилки без энтузиазма.

– Сомневаешься, о дочь ехидны! – угрожающе провыла я.

– Мама моя, конечно, не подарок, – философски начала подруга, – но все же...

– При чем тут мама! – Я никак не могла выйти из образа провинциального трагика. – Ты по сути своей ехидна, по призванию!

– Кто бы говорил, – хихикнула Сашка. – Ладно, если Фридрих согласится – рули.

За ужином она изложила свою просьбу нашему любезному хозяину.

После ужина мы уточнили у фон Клотца адрес искомого магазина. Затем Фридрих отвел нас в гараж, показал машину, которую он рискнул доверить своим гостям. Не «Бентли», конечно, но очень симпатичный ярко-красный «пыжик», то есть «Пежо». Поручив своему шоферу проверить машину и накормить ее бензином, фон Клотц продолжал поражать нас своей предупредительностью: у него отыскалась даже карта автомобильных дорог этого района и подробнейшая карта Клатовы.

– Вот видишь, – попеняла мне Сашка, когда мы опять оказались в ее комнате, – Фридрих очень приятный человек: добрый, внимательный, заботливый. А ты все время придираешься к нему.

– Не знаю. – Я упрямо сопела, водя пальцем по столешнице. – Да, внимательный, да, заботливый, иногда до занудства заботливый...

– Злюка!

– Слащавый он какой-то, приторный, а глаза – пустые, холодные.

– Ну цвет ему такой от рождения достался, что же ему, линзы теперь носить?

– Хотя бы! – оживилась я. – Красные! Тогда из него настоящая крыса получится!

– Иди отсюда, – Сашка легонько шлепнула меня полотенцем. – Мрачная личность с разлитием желчи!

– И тебе спокойной ночи, – быстренько ретировалась я.

И вот я собралась на эту шопинг-экскурсию. Погода стояла просто великолепная, солнечная, воздух пузырился, словно шампанское. Было уже достаточно тепло, градусов пятнадцать, поэтому я рискнула надеть светло-голубые джинсы и легкий джемпер. Кошелек, документы и мобильный телефон я сложила в небольшой рюкзачок. Без телефона я никогда никуда не выхожу – Лешке обещала. Я всегда должна быть на связи. Правда, здесь, в горах, это не всегда получается, поэтому я часто звоню мужу с телефона, который стоит в моей комнате. Вот и вчера перед сном я ему позвонила, отчиталась о дне прожитом и сообщила планы на день грядущий. Правда, о том, что за руль сяду лично я, умолчала, иначе Лешка десантировался бы ночью с военного самолета, чтобы помешать мне выполнить задуманное.

Так, теперь кроссовки, небольшая ссора со шнурками – все. Готова. Можно идти.

Когда я спустилась в столовую, там уже все собрались. Ждали только меня. Но свирепых взглядов заметно не было, поскольку:

а) я задержалась всего на пять минут;

б) с утра особо никто есть не хочет, даже мужчины;

в) день-то какой!

В общем, за стол мы садились в приподнятом настроении. Даже Андрей возбужденно потирал руки, оглядывая сервировку. Хотя с чего бы ему так восторгаться, не первый ведь завтрак в этом доме, когда мы все были ошарашены количеством поданных блюд.

Я намазывала тост джемом и обсуждала с Сашей наше путешествие, когда в разговор вклинился Славка:

– Мам, а можно, я с вами поеду?

– С нами? – удивленно переспросила «мам». – В Клатовы?

– Да.

– Ты же вчера туда ездил, с Викой и Фридрихом, – повернулся к сыну Андрей. – А на сегодня у нас с тобой рыбалка запланирована.

– Ну ее, – Славка пренебрежительно махнул рукой. – Не хочу. В прошлый раз просидели, как дураки, полдня. А поймали какую-то закорючку. Одну!

– Окуня, – мрачно уточнил отец.

– Окунем он стал бы года через два, – фыркнул Славка. – А в Клатовы мне понравилось, было здорово. Хочу Черную башню посмотреть! Мам, я вам мешать не буду, вы меня у Макдоналдса высадите, а потом часа через два заберете, ага?

– Ты что, не слышал меня? – Голубовский начал злиться. Еще бы, сын демонстративно игнорировал его слова, обращаясь исключительно к матери. – В Клатовы мы съездим завтра. А сегодня – рыбалка.

– Но почему?!

– Потому что мужчина всегда должен придерживаться однажды принятого им решения, а не менять его десять раз на дню, словно истеричная барышня.

– Ты имел в виду Вику? – Голубые, как у матери, Славкины глаза были детски-наивны. Но сестра в присутствии фон Клотца была гораздо сдержаннее и лишь презрительно повела плечом в ответ на реплику брата.

– Я имел в виду прежде всего тебя, – в Андрее проснулся ментор.

– Вот вечно все меня имеют в виду, – расстроился Славка. – Хочу в город – тянут на рыбалку. Убийца мальков!

– Ладно, сынок, – Сашка потрепала сына по золотистым вихрам, – в другой раз вместе съездим, если твоему отцу так приспичило поудить рыбу именно сегодня.

Андрей странно дернулся, словно хотел сказать что-то резкое, но сдержался, лишь холодно улыбнувшись жене.

После завтрака Голубовский пошел к себе, очевидно, собираться на рыбалку, Славка куда-то запропастился, так что проводить нас вышли Вика и фон Клотц.

Сверкающий красными умытыми щеками «Пежо» ждал нас за воротами. У багажника застыл шофер, а на переднем сиденье удобно устроился сияющий Славка.

– Эй, – я постучала по стеклу, – ты что тут делаешь, отрок?

– Сижу. – Правильный ответ на дурацкий вопрос.

– Так выходи!

– Не-а. Не выйду. – Славка скрестил руки на груди и насутился. – Не пойду я с ним. «У нас рыбалка запланирована!» – передразнил он отца. – Это у него она запланирована, а меня никто не спрашивал, поставили перед фактом, и все. Но у человека должна быть свобода выбора?! И человек выбирает Клатовы.

– Человек нарывается на крупные неприятности, – прокомментировала происходящее Вика.

– Да, Слава, тебе надо выходить, – поддержал ее обеспокоенный фон Клотц. – Не надо ехать. Папа ведь тебя ждать. Он расстраиваться, если ты так поступать. Так нельзя.

– Можно! – Ясно, Славка уперся. Из машины его теперь можно было вытащить только силой.

А кому надо портить себе так славно начавшийся денек? Никому. И я махнула рукой:

– Ладно, седи. Или мамулик против?

– Пусть едет, – улыбнулась Саша, усаживаясь на заднее сиденье. – Папенька переживет. Пока, доча!

– Пока, мамс! – послала ей воздушный поцелуй Вика.

Шофер вручил мне ключи и ушел. Даже дверь перед дамой не открыл, грубиян! Я заозиралась в поисках моего кружевного веера, которым можно было бы остудить пылающие от гнева щеки. Ах да, он же остался в будуаре. О горе мне, горе!

– Ты что там бурчишь? – поинтересовалась Сашка.

– Ничего я не бурчу, – преодолевая свое негодование, я выместила раздражение на всех неотесанных особей мужского пола, воткнув ключ зажигания куда надо. «Пежо» вздрогнул и угрожающе зарычал.

– Вперед! – скомандовал Славка. – Возьмем городишко штурмом! Не скучайте тут без меня, – опустив стекло, он победно улыбнулся сестре с ее ухажером.

– Будет трудно, но я попытаюсь, – усмехнулась Вика.

Мы резво стартовали. Люблю мощные и послушные автомобили, а «пыжик» оказался именно таким.

– Тетя Аня, можете смело разгоняться, – угадал мое желание Славка. – Мы вчера с Фридрихом гнали почти сто двадцать километров в час.

– Он что, с ума сошел?! – В Саше проснулась насадка. – Это же горный серпантин, тут иногда не видно, что за поворотом происходит! Все, с ним я больше не отпущу ни тебя, ни Вику. Анетка, не слушай его!

– Да ладно тебе, мам, здесь так редко машины ездят, что никого мы не встретим за поворотом. Зато так классно, когда над обрывом едешь, сердце становится, как воздушный шарик!

Славка окно так и не закрыл. Включив музыку, он начал сидя приплясывать, высовывая наружу растопыренную пятерню, – резвился, словно годовалый щенок. И заразил своим весельем маму с теткой.

Дорога вилась безупречной спиралью, уклон вниз был практически незаметен, встречных машин действительно не было видно. Я наслаждалась ездой, похлопывая по рулю в такт музыке. Руль довольно подрагивал.

А потом время остановилось. Воздух стал вязким, а происходящее – фрагментарным.

Вот уклон на дороге стал заметнее, наш «пыжик» набрал приличную скорость.

Вот я вписываюсь в поворот и вижу метрах в двухстах впереди стоящую поперек дороги машину. Она пуста, вокруг – тоже никого.

Я резко нажимаю педаль тормоза, и она... проваливается! Пытаюсь воспользоваться ручником – бесполезно.

Машина все ближе, свернуть некуда: слева и справа почти вертикально уходящие вверх и вниз крутые склоны горы.

– Прыгайте! – ору я, оглядываясь. – Тормоза сдохли!

Расширившиеся от ужаса глаза Славки, тщетно пытающегося открыть почему-то заклинившую дверь.

Сосредоточенное лицо Саши, которая через спинку сиденья перетаскивает своего здорового парня, словно младенца, к себе, назад.

Я помогаю ей, освобождая зацепившуюся за ручник Славкину штанину, а потом распахиваю дверцу и выпрыгиваю из этого неуправляемого куска железа.

Краем глаза я успеваю заметить движение справа... А в следующую секунду «Пежо» ярко-красным метеором ринулся вниз с горы.

Ломая деревья, он праздновал свою свободу, свободу от людей. И закончил, как все метеоры, вспышкой. Где-то там, далеко внизу, гулко ухнуло, и расцвел фантастически красивый цветок.

– Ну, ребята, – постанывая, я с трудом села, тупо глядя на залитую кровью руку. – Это было что-то! Все целы?

– Мама? – шепот справа. Шепот, переходящий в сорванный крик. – Мама-а-а!!.

Часть II

Глава 11

Боль скучала. Заняться было абсолютно нечем – тело, предоставленное в полное ее распоряжение, валялось в отключке. Причем в полной. Причем уже очень давно... Великолепная, глубокая и рваная рана на предплечье. Пусть ее и обработали, наложили швы и забинтовали, но болеть будет! Боль хихикнула и потерла потные лапки. М-м-м, а вот эти два сломанных ребрышка, а вывихнутая лодыжка правой ноги и растянутые связки левой! А многочисленные порезы и ссадины! А чудненькая гематома в пол-лица! А... Стоп, пора. Пациентка приходит в себя.

Саша открыла глаза. И, задохнувшись от боли, снова зажмурилась. Попытка пошевелиться привела к новой волне незабываемых ощущений, ей почудился даже чей-то возбужденно-азартный взвизг.

Почему-то вспомнилось слово «отбивная». Слово превратилось в указательную стрелку и повернулось носиком к Саше. А вот и неправда, отбивная – это распластанный на разделочной доске кусок мяса, отдыхающий после близкого знакомства с мерзким зубчатым молотком. Ну, и разве это похоже на меня?

Стрелка хихикнула и стала еще больше. И указывала на Сашу еще демонстративнее.

– Идиотство какое-то! – простонала «отбивная» и решила снова открыть глаза.

Возможно, из-за того, что боль, пытаясь от усердия, рассредоточилась по разным частям ее тела, а может, Саша уже успела притерпеться к этой мерзкой энтузиастке, но у нее получилось. У Саши. Глаза открыть. И даже осмотреться. Интересно, что это за комната такая убогая? Откуда она в замке Фридриха? И интересно, где все? И что это недавно так бумкнуло? И куда подевался мой воздушный шарик?

А действительно, что произошло? Почему Саша лежит в марлевом коконе, забинтованном так тщательно и туго, что пошевелить возможно только ресницами? Хотя нет, еще и губами. Вот и надо все это задействовать, чтобы поскорее увидеть родные лица, чтобы узнать наконец, в чем дело? Самой вспомнить не получается. Последнее, что осталось в Сашиной памяти, – Славка, пританцовывающий на переднем сиденье автомобиля. А дальше – густая, вязкая темнота.

– Слава, Вика, вы где там прячетесь! – Она постаралась позвать их как можно энергичнее и веселее.

Хм! Слышали когда-нибудь, как выходят остатки воздуха из развязанного воздушного шарика? Не тогда, когда он весело скачет по комнате, а когда опускается вялой тряпочкой и делает «Фс-с-с». Вот приблизительно так же энергично получилось и у Саши.

Наверное, поэтому никто и не пришел. Не услышали ее, естественно. Хотя странно, ведь так тихо вокруг... Даже слишком тихо. Как в склепе.

– Анетка! – предприняла еще одну попытку Саша.

Она даже рискнула приподняться, но оказалось, что риск – дело не всегда благородное. Иногда это тупая и кретинская затея, приводящая к плачевным последствиям. К настолько плачевным, что от слез намокли бинты у нее на голове.

А в комнате по-прежнему никто не появлялся. Просто безобразие какое-то! А еще – отвратительное безразличие со стороны близких людей, безразличие, граничащее с безрассудством.

Так, Сашура, похоже, тебя переклинило на приставку «без». Что там еще есть, подходящее к случаю? Безопасность, бездарность, безобразное поведение, бездна...

Бездна! Сашу затрясло. Почему это слово, растекшись в смолянисто поблескивающую тягучую лужу, начало обволакивать ее тело липким ужасом? Почему в голове звенит чей-то крик: «Прыгайте!»? Откуда этот тонкий, страшный, пронзительный вой? «Это я? Это я так кричу? Что это за люди вбегают в комнату? Я их не знаю! Зачем этот шприц? Не надо, пожалуйста, не надо!»

Смоляная лужа добралась до рта...

Эта темнота не была такой вязкой и сплошной, как в прошлый раз. Она тяжело ворочалась в голове у Саши, периодически выталкивая на поверхность искаженные картины. Что-то кричит Аннета, с трудом удерживая на дороге взбесившуюся машину. Испуганное лицо Славки, ее ребеныша, ее родного мальчишки, попавшего в смертельную ловушку. Она сама, последним, невозможным усилием выталкивающая сына из уже вздымающейся в полете машины. Треск, грохот, она – не Саша, она – горошина в погремушке. Но погремушка оказалась с дыркой – задняя дверь, через которую ей удалось вытолкнуть Славку, держалась за корпус лишь первые секунд десять. А потом очередное дерево, не желавшее ломаться по прихоти невесты откуда взявшейся железяки, прицельным хуком справа обломала железяке весь кайф. Утащить с собой одного из человечешек, возмнивших себя хозяевами жизни, машине не удалось. Буквально за пару мгновений до финала человечешка выпал из ловушки. Причем даже опалить жертву огнем не удалось, поскольку жертва ухитрилась, оставляя на траве и деревьях кровавые следы, плюхнуться в реку одновременно со взрывом.

Это было последнее, что вспомнила Саша: обжигающий удар огня и ледяной воды одновременно. Удар, забирающий сознание.

А теперь – вот это. Незнакомая комната, знакомые люди. Почему рядом с ней нет никого из близких? Ага, кто-то идет. Надо спросить.

Саша собралась было открыть глаза, услышав приближающиеся шаги. Но обрывок разговора, вернее, то, что ей удалось понять, пинками выгнал неподходящее желание вон. Рано еще сообщать миру о своем втором пришествии, рано! Сначала надо послушать дальше. И сообразить, о чем идет речь. Почему она испытывает такую неуверенность в собственной сообразительности? Да потому, что разговаривали вошедшие на английском. На языке, о владении которым Саша в анкетах писала – «со словарем». Эх, сейчас бы хоть плохонький словарик! А то понималось как-то «овощевато», сплошной «хрен с лимоном столовый протертый».

Те слова, которые ей все же удалось ухватить за верткий хвост и перевести, сложились в странную картину. Похоже, Сашино присутствие здесь очень сильно напрягало одного из вошедших мужчин. Он общался с собеседником исключительно на повышенных тонах, щедро усыпая свою речь однообразными ругательствами. Дилетант убогий! Слышал бы он профессионалов мата, крановщика Ивана Свидригайло, к примеру, иди грузчика Василия! Они такой мастер-класс ему устроили бы! А то он бухтит тут и бухтит: секретный объект у него, видите ли. Интересы США под угрозой! Каким это образом Саша умудрилась встать на пути у прущих «свиньей» интересов США?

Не открывая глаз, Саша возмущенно засопела от обиды. И только потом до нее дошло. США?! Дошло, постучало, озадаченно почесало затылок и ушло. Понятно только одно: ничего не понятно.

Видимо, вошедшие обратили внимание на странное пыхтение, доносящееся со стороны помехи интересам Соединенных Штатов Америки. Они замолчали. Затем шаги приблизились к ее кровати.

Саша почувствовала, что еще несколько минут – и взгляды этих типов просверлят дырку у нее в щеке. Или во лбу. Или в носу. Везде – одинаково противно. А, была не была, надо сдаваться. Раз-два-три, Сашенька, смотри!

Эмоции, удобно устроившиеся на лицах двух мужчин, были совершенно разными. Тот, что стоял ближе к кровати, рассматривал Сашу с плохо скрытым отвращением. На себя

посмотри, ушлепок! Тощий, с серыми, зализанными через лысину редкими волосенками, глаза за очками такие же невразумительно серые, застиранные. Как, впрочем, и весь облик в целом – серый и незапоминающийся.

В глазах второго мужчины Саша с удивлением увидела... сочувствие? Она так удивилась, что даже не смогла толком разглядеть неожиданного союзника. Кажется, он довольно высокий, загорелый (или просто смуглый?) и кареглазый. Волос у него на голове побольше, чем у серого ушлепка, и они, волосы, темные.

– Are you OK? – брезгливо поинтересовался серый.

– Ну почему вы, американцы, всегда задаете этот идиотский вопрос? – разозлилась Саша. Очень уж противный мужик попался! – Во всяком случае, если судить по вашим фильмам! Подходит очередной супергерой к груде костей, крови, кое-где украшенной остатками одежды, и жизнерадостно интересуется: «Ты в порядке, Боб?» Да, конечно, о чем разговор! Сплошной ОК, разве не видно?!

– Stop, stop, I don't understand, – поднял ладонь серый.

– Жаль, – буркнула Саша и посмотрела на второго.

А вот он, похоже, все понял: рассмеялся и подмигнул ей. Затем залопотал на английском с ушлепком. Тот удивленно поднял брови:

– Russian?

– Нет, – мстительно ухмыльнулась Саша, – предположение неверное.

– Но ведь вы говорите по-русски! – Акцент у кареглазого был едва заметен, не чета Фридриху.

– Ну и что, – хамить этому мужчине Саше почему-то не хотелось. – У нас, в Беларуси, большинство граждан говорит на русском языке.

– Так вы из Белоруссии?

– Да.

– А как вы оказались в реке у самой границы с Австрией?

– Автомобильная авария. А что, если бы в реке у границы с Австрией оказалась чешка, это было бы нормальным ходом событий? – съязвила Саша.

– Не совсем, – улыбнулся кареглазый. – Но белорусска все же гораздо экзотичнее. Кстати, из реки вас вытащил я.

– Спасибо, – Саша попыталась нацепить на лицо вежливую улыбку, но улыбка цепляться не желала, растекаясь вялой гримасой. – Но, похоже, ваш собеседник не в восторге от такой рыбацкой удачи.

– Так вы слышали наш разговор? Значит, вы все-таки знаете английский язык? Тогда почему не захотели ответить на вопрос Стивена?

– Не частите, пожалуйста! Отвечаю по порядку. Разговор слышала. Английский знаю плохо, в пределах школьной программы, разговаривать на нем практически не могу, кое-что понимаю. А если бы и умела, то отвечать этому ушлеп... ой, простите, Стивену все равно не стала бы.

– Почему? – рассмеялся кареглазый.

– А мне не нравится человек, который недоволен тем, что я осталась в живых, – Саша постаралась произнести это надменно и спокойно, но губы ее предательски задрожали, а просохший было бинт на лице намок опять.

– Ну что вы, зачем? – собеседник оттолкнул Стивена, присел на край кровати и взял Сашу за руку. – Не плачьте. Что случилось, то случилось, ничего уже не поправить. А силы вам еще понадобятся. Кстати, я не представился. Меня зовут Винсент. А вас?

– Александра. Я вас очень прошу, Винсент, сообщите, пожалуйста, моим близким, что я жива, – умоляюще посмотрела Саша на своего спасителя. – Они там с ума сходят, думают, я погибла.

– Я... – начал было тот, но тут в их разговор вмешался Стивен, которому надоело изображать предмет мебелировки.

Он раздраженно заговорил с Винсентом, тот ответил, переводя, похоже, сказанное Сашей. Когда прозвучало «Белоруссия», тощий посмотрел на Сашу уже с интересом. Затем он прищелкнул пальцами, бросил пару совершенно непонятных фраз и вышел. Винсент тоже поднялся.

– Пойдите, – Саша попыталась удержать кареглазого за руку, – я же вам еще не сказала, куда позвонить и кому!

– Извините, Александра, – почему-то отвернулся тот, – но ни я, ни кто-либо другой из здешнего персонала никуда звонить не будет. Во всяком случае, пока.

– Но почему?!

– Так надо. Поверьте, мне очень жаль.

И Винсент, коротко кивнув ей, вышел.

Глава 12

Где-то через полчаса после ухода Винсента в комнате появилась команда людей в белых халатах, действовавших неторопливо, но очень слаженно. Они осторожно переместили марлевый кокон, из которого испуганно выглядывала Саша, на каталку и покатали все это великолепие по коридору.

Неизвестно, что натолкнуло Сашу на мысль, что, стоит ей покинуть убогую каморку без окон, как она сразу же поймет, куда попала. И эта мысль, и то, что ее толкало, – оказались жалкими профанами. Ни коридор, ни новая комната, равнодушно распахнувшая перед Сашей двери, не обладали никакими особыми приметами и мемориальными табличками. Не было даже инвентарных номеров на казенной мебели, из чего опытный разведчик сделал бы сокрушительный по своей профессиональности вывод: «Это не Россия!» И, устало откинувшись на подушки, гордо посмотрел бы по сторонам.

Правда, и так понятно, что, упав в реку, юрко петляющую на границе Чехии и Австрии, было бы сложно рассчитывать попасть в Россию. Мокрую и полумертвую Сашу ее спаситель не мог увезти далеко, даже в Клатовы. Так где же она?

Саша старательно разглядывала свое новое место обитания, пока молчаливая команда опутывала ее датчиками, подключая ее организм к многочисленной аппаратуре. Аппаратура весело подмигивала разноцветными огоньками и жизнерадостными кривульками, приветствуя пациентку попискиванием. Попискивание Саши, вскоре влившееся в этот общий хор, вовсе не было ответным приветствием. Просто в ход пошли иголки. Нет, не под ногти. Инъекции, капельницы, катетеры и прочая медицинская дребедень, имеющая высокое предназначение – быстро и интенсивно доставлять лекарства к месту назначения. Но болочая дребедень, зараза!

В общем, когда врачи оставили наконец Сашу в покое, сил у их пациентки не осталось даже на вдумчивое осмысление увиденного и услышанного. Саша самым банальным образом заснула. Хотя, может, и не совсем банальным – кто их знает, врачей, мало ли, что ей вкололи!

До вдумчивого осмысления очередь дошла лишь через три дня. Вроде бы. А может, и через неделю. Точно Саша сказать не могла, поскольку часов у нее не было, окон в ее комнате – тоже, судить о времени суток можно было только по включению и отключению света. И по перерывам между едой. Большой – значит, это ночь была, маленький – все еще день. Да и это все очень относительно, поскольку большую часть времени Саша спала.

Но в этот раз после очередного пробуждения Саша с удивлением обнаружила, что она практически здорова. НЕ болело больше НИЧЕГО! Она осторожно пошевелилась, прислушиваясь к своим ощущениям. Ощущения радостно отрапортовали: «Класс!» Саша прикоснулась к голове, ожидая найти там привычный марлевый шлем. Пусто. Не в смысле – в голове, а на голове. Волосы, правда, на месте, это радует. Эх, зеркало бы сейчас! Может, стоит встать и поискать? Тем более что общение с «утками» Сашу очень напрягало.

Так, ладно, встать-то попробовать можно, вот только надо проверить, чего и сколько к ней еще присоединено. М-да, хватает! Самой вряд ли получится снять, особенно иголки. Ну что ж, погорланит.

– Эй, кто-нибудь! – Ха, к ней и голос вернулся! Уже не сиплое клекотание получилось, а очень даже полноценный ор.

Но «кто-нибудь» не появился. Ладно, придется понервировать господ врачей. Саша присмотрелась к дружелюбной аппаратуре, нашла сердечный ритм, похожий на неуклюжие каракули в прописях первоклашки. «Тэ-э-экс, а где же провода, ведущие от этой штуkenции к моему бедному и несчастному телу? Ага, вот они». Дерг!

Аппаратура зашлась истерическим воем, ломаная линия упала в обморок и выпрямилась. Снаружи послышался топот, и в следующую секунду в комнату вбежал встревоженный доктор.

Между прочим, невольно отметила Саша, с любопытством наблюдая богатую палитру чувств, поочередно сменяющих друг друга на лице эскулапа, в этом заведении служат одни мужики. Даже младший медицинский персонал, даже уборщики. Ну ни одной дамы. Во всяком случае, Саша их не видела. Куда же все-таки ее занесло?

Озабоченность, тревога, недоумение, досада прекратили наконец толкаться на физиономии врача, уступив место возмущению. Которое и не замедлило выплеснуться фонтаном слов.

– Не надо орать! – в свою очередь, выверилась Саша и обалдела от удивления. И даже как-то раздвоилась. Одна Саша продолжала ошарашенно таращиться на другую Сашу, на АНГЛИЙСКОМ языке учинившую разнос врачу: – Я вас звала, но никто не появился! А мне необходимо встать! Срочно! Немедленно!

– Но зачем? – Вот доктор, похоже, совсем не удивился тому, что пациентка общается с ним на одном языке. Впрочем, он мог и не знать, кто такая Саша и откуда она взялась.

– Идиотский вопрос! В туалет хочу, ясно?!

– Вам рано вставать, мистер МакКормик велел соблюдать постельный режим еще хотя бы пару дней, для закрепления результата.

– Кому велел?

– Мне.

– Вот вы и соблюдайте постельный режим, как велел МакДональд...

– МакКормик! – Врач растерянно наблюдал за тем, как Саша отдирает присоски аппаратуры.

– Неважно, – отмахнулась Саша и, покончив с присосками, задумчиво посмотрела на капельницу, судорожно вцепившуюся иголкой в ее левую руку. – Я же все равно встану, так что, если вам и вашему МакТормозу, по непонятной мне причине, дорого мое здоровье, помогите избавиться от этой гадости!

– Да именно благодаря этой, как вы изволили выразиться, гадости, вы сейчас... – запальчиво возмутился было врач, но вдруг резко замолчал, поджал губы и пробормотал: – Впрочем, как вам будет угодно.

И он осторожно освободил Сашину руку от стального жала, аккуратно заклеив место прокола пластырем.

– Но я немедленно доложу мистеру МакКормику о вашем поведении! – сухо сообщил он Саше пугающую новость и стремительно вышел из комнаты.

– Как вам будет угодно, – передразнила его вздорная пациентка и, сопя, предприняла попытку сесть.

Получилось! И никакой слабости в теле, никакого головокружения. Так, а если встать?

Саша осторожно спустила ноги с кровати и только сейчас обнаружила, что на ней надета больничная сорочка с завязочками на спине. И больше ничего! Щеки ее запылали от совершенно неуместного чувства стыда. Саша даже рассердилась на свои щеки – было бы с чего! Ей же не пятнадцать лет, чтобы стесняться своей обнаженности перед врачами. И санитарями. И медбратьями. И... Щеки победили, уверенно приобретя вид и цвет спелых помидоров.

Сделав пару шагов, Саша все же ухватила за спинку кровати – ее слегка штормило. Надо все же приучать тело к вертикальному положению постепенно, а то и вестибулярный аппарат, и мозг явно привыкли к удобной и надежной горизонтали. Оба барахлили. А может, они развлекались от безделья? Хм, ничего себе шуточки у мозга – раз, и вытряс на Сашу мешок с английским языком! Интересно, а что еще у него в запасе – суахили?

Логично предположив, что если одна из двух дверей, угрюмо смотревших на Сашу, ведет в коридор, то вторая должна таить за своей пластиковой спиной чудеса цивилизации – сантехнику, Саша осторожно понесла себя туда.

Ура, это действительно оказался санузел, такой миленький, кафельно-фаянсовый! И даже зеркало имелось, в которое Саша заглянула с некоторой опаской – мало ли что она увидит? А под рукой у нее нет ни валерьянки, ни корвалола.

Ну что ж, могло быть и хуже. Ага, а почему же тогда она ойкнула и зажмурилась? Саша приоткрыла один глаз и снова посмотрела на чучело, кривлявшееся в зеркале. Если бы все пятна, покрывавшие это существо, были черного цвета, тогда можно было бы предположить, что оно имеет какое-то отношение к далматинским догам. Но пятна переливались всеми оттенками болотных цветов – от зеленого до желтого.

Глаз вскоре запротестовал – почему это он должен отдуваться за двоих, глядя на все это безобразие? Пусть и тот сачок полюбуется!

Сачок – второй глаз – открылся и полюбовался. И внес конструктивное предложение: а может, после душа все будет не так уж плохо?

Предложение было с восторгом принято. Еще больший восторг вызвало у Саши наличие в санузле шампуня, геля для душа, зубной пасты и щетки, фена, набора расчесок и апофеоза блаженства – пушистых махровых полотенец и халата. В кармане халата Саша нащупала какой-то маленький картонный прямоугольник. Это оказалась открытка с забавным медвежонком и надписью: «Don't worry, be happy!». Саша грустно улыбнулась. Легко сказать – не беспокойся и будь счастлива! А вот как это сделать? Как не сходить с ума от беспокойства за детей? Как можно быть счастливой, зная, что дочь и сын считают ее погибшей? Но веселый медвежонок смотрел так ласково и приветливо, что хотелось верить – все будет хорошо. И Саша полезла в душ...

Саша протерла рукавом запотевшее зеркало. На этот раз собственное отражение показалось ей гораздо более похожим на первоисточник. Она порозовела, посвежела, волосы снова распушились и заблестели золотом.

Все это добавило Саше оптимизма. Ну в конце-то концов, не убьют же ее, верно? Если ее так интенсивно и старательно лечили, если побеспокоились о том, чтобы создать для нее максимальный комфорт в этих спартанских условиях, значит, она зачем-то нужна. Да и медвежонок этот... Саша снова достала открытку. Интересно, кто ее положил в карман? Вряд ли серый ушлепок или этот нервный доктор. Скорее всего, Винсент. Он один отнесся к ней с сочувствием. Вот только его слова перед уходом... Почему ему искренне жаль ее, Сашу?

Размышления эти были прерваны самым беспардонным образом. А чего еще ждать от желудка? Смысл его бурчания был прост и незатейлив: «Жрать хочу!»

И ведь не успокоится теперь, пока свое не получит, гнусный вымогатель!

Саша вышла из ванной, собираясь позвать кого-нибудь из персонала, чтобы попросить завтрак. Но звать никого не пришлось. На вмонтированном возле кровати выдвижном столике уже стоял поднос, густо заставленный тарелками с разнообразной снедью. А от аромата кофе у нее даже слегка закружилась голова.

Желудок буквально вынуждал Сашу жадно наброситься на всю эту вкусноту и уничтожить ее, чавкая и повизгивая от удовольствия. Нет уж!

Саша неторопливо подошла к кровати и приступила к завтраку. Можно даже сказать – к изысканной трапезе, насколько это было возможно в таких условиях.

Глава 13

В комнате, обилием аппаратуры больше напоминавшей рубку управления боевого космического крейсера, сидели двое. Перед ними мерцали экраны многочисленных мониторов, являвшихся, несмотря на всю их немислимую навороченность, обычными замочными скважинами. Теми, куда, сопя от напряжения, трепеща от сопричастности к жизни соседей, заглядывают обитатели коммунальных квартир. Эта страсть к подглядыванию не является особенностью менталитета какой-то одной нации, это явление международного масштаба.

Но интерес сидевших в комнате мужчин отнюдь не был праздным, как у подглядывающих соседей, скорее он был профессиональным. Обычно в этой комнате находился дежурный, в обязанности которого входил мониторинг поведения подопечных. Вернее, подопытных. Но в данный момент дежурного отправили пообедать. Чтобы он не мешал.

– Скажи, Винс, как тебе это удастся? – не отрывая взгляда от одного из мониторов, усмехнулся Стивен МакКормик, глава секретной лаборатории ЦРУ, расположенной «где-то на краю Галактики». Или на задворках Империи, что было ближе к истине.

– Что именно? – Его визави приподнял левую бровь. (На что тут же обиделась правая – обычно хозяин поднимал ее.)

– Ты всегда умудряешься даже из ошибок извлекать выгоду.

– Для кого на этот раз? – хмыкнул Винсент Морено, «рядовой» сотрудник ЦРУ.

– Согласен, – МакКормик оторвал наконец взгляд от монитора, причем Винсенту при этом явно послышался чмокающий звук, – на этот раз твои инстинкты настоящего мачо преподнесли сюрприз мне. Вернее, нам.

– Ты и меня имеешь в виду? Отобрал игрушку у мальчонки, да еще и издевается! – Морено достал из пачки, лежавшей на столе, сигарету, закурил и увлеченно занялся выдуванием колечек из дыма.

– Прекратил бы, а? – поморщился Стивен. – Забыл, где находишься? Окон здесь нет, а я табачный дым не выношу.

– Не гунди, – небрежно махнул рукой Винс. – Да тут такая мощная вентиляция, что я даже не успеваю дымный пончик сделать – его тут же утягивает. А не курить я не могу, разнервничался очень. Я в воду прыгаю, костюм порчу, почти простужаюсь, потом выслушиваю вопли и визги возмущенного павиана...

– Но-но!

– Хорошо. Ощущаю недовольство наиглавнейшего специалиста в области производства живых роботов.

– Так уже лучше.

– Не перебивай. И не уводи разговор в сторону. Забрал мой улов себе – и радуется! А орал-то как, Господи боже мой!

– Ну правильно, – МакКормик отхлебнул кофе из бумажного стаканчика. – А чего ты ожидал? Один из лучших специалистов-универсалов ЦРУ, опытнейший сотрудник, мой незаменимый помощник – и такой ляп! Притащить на секретный объект постороннего!

– Постороннюю! – подняв палец, уточнил Винс.

– Да какая разница!

– Да большая! Я же не могу быть двадцать четыре часа в сутки спецагентом ЦРУ...

– А надо бы!

– Иди ты! Какой, к черту, спецагент, когда едешь в классной машине после успешно выполненного задания, вокруг горы, лес, солнце светит...

– Птички поют! – саркастически поддакнул Стивен.

– Нет, Селин Дион, – спокойно продолжил Морено. – Хорошо поет, душевно. И так хочется чего-то светлого, доброго! Пушистого такого!

– Ну да, конечно. Волку захотелось ягненка – белого и пушистого. Тепленького и мягонького.

– Ты не романтик, Стивен.

– Куда уж нам, ученым крысам!

– И я о том же. И вот еду я, расслабленный и умиротворенный, как вдруг за горой что-то как рванет! А через десять минут вижу в реке окровавленную женщину. Был бы мужик, я бы мимо проехал, а так...

– Да знаю я все, хватит болтать! Наизусть выучил историю твоего подвига, – МакКормик смотрел на монитор, на котором недавний улов Винсента неторопливо завтракал. – Ты только посмотри на это! Какая быстрая регенерация! Всего три дня прошло – и этот полутруп стал сильной и здоровой женщиной!

– Ты забыл еще одно определение.

– Какое?

– Очень симпатичной женщиной! – тяжело вздохнул Морено. – А ты у меня ее забрал.

– Да зачем она тебе нужна, тебе что, там, – кивнул Стивен куда-то вверх, – женщин мало? И помоложе найдешь, и посимпатичнее. Так что не ной. Хоть раз твои инстинкты самца принесли пользу делу. И как это раньше мне не приходило в голову использовать в качестве объектов женщин, а?

– Робот с ПМС! – расхохотался Морено. – Это было бы любопытно. Как твоя методика учитывает особенности женской физиологии и психики?

– Понятия не имею, – пожал плечами МакКормик. – Вот на ней и проверим. А пока что она показывает потрясающие результаты. При использовании препарата Х2000 организм мужчин после таких травм восстанавливается не раньше чем через неделю. А здесь этот процесс завершился всего за три дня!

– Кстати, – оживился Винсент, – что это за фокус с английским языком? Она же уверяла, что владеет им на уровне школьной программы. А я, поверь мне, знаю этот уровень. И вдруг – свободно болтает с доктором!

– А-а-а, – самодовольно улыбнулся МакКормик, – заметил?

– Еще бы не заметить!

– Это был пробный эксперимент. Обычно объекты, нуждающиеся в реабилитации, я восстанавливаю физически, укрепляю их тело. А потом уже берусь за мозговую обработку. Хотя я давно хотел попробовать совместить эти два процесса, чтобы ускорить выпуск готового изделия, так сказать. Но поскольку объекты, которые ты мне поставлял, все были очень ценными, рисковать ими я не мог.

– Предположим, не все были такими уж раритетами, я привозил тебе и рядовых «бойцов Джихада».

– Рядовым и задачи ставились рядовые, слишком уж у нас дорогостоящий процесс, чтобы экспериментировать. Ведь каждому объекту изначально отводится определенная роль, и я разрабатывал методику именно для него. Но для каждого, повторяю – для каждого объекта мне сверху сразу спускали указания: кем он должен стать и что сделать в будущем. Финансирования на эксперименты никто не выделял, а жаль! Но благодаря твоему улову мне удалось убедить руководство в целесообразности проведения эксперимента. Тем более что мадам Голубовски оказалась таким любопытным экземпляром! – с удовольствием посмотрел Стивен на мадам, закончившую завтракать. – Хотя одно то, что она из Белоруссии, уже делало ее ценным объектом. А когда ты узнал некоторые подробности ее биографии, ценность твоего улова для руководства выросла многократно. В то же время я в этом случае вполне мог рискнуть, поскольку любую неудачу можно будет оправдать особенностями женского организма. Вот я и рискнул,

хотя начал с минимального. Одновременно с введением препарата X2000 я погружал объект в глубокий сон и активизировал те участки ее памяти, где хранились сведения об английском языке. Я знаю, что в России хорошо преподают иностранный язык только в лингвистических учебных заведениях, а в обычных школах и университетах все очень поверхностно, но зато – годами, понимаешь?

– Не совсем. Ну, годами, ну и что? Все равно, в их головах остается совсем мало.

– А вот и неправда! Мозг поглощает все увиденное, а уж если смотреть в учебники английского языка годами, – то в голове остаются целые файлы знаний. Просто они лежат невостребованными в самом дальнем углу памяти. И надо их оттуда осторожно извлечь. Что я и сделал! – МакКормик возбужденно снял очки, протер их салфеткой и снова водрузил на нос. – И, как видишь, успешно.

– Не боялся превратить ее в растение?

– Глупости не говори. Чем, по-твоему, я тут занимаюсь? Да это, по сути, простейшая методика по сравнению с тем, что я делаю! Другой разговор, что я никогда не проводил одновременно и физическое, и мозговое воздействие, но об этом я уже говорил. Как видишь, игра стоила свеч. Всего три дня – и перед нами совершенно здоровая женщина, свободно владеющая английским языком, что, как ты понимаешь, облегчит мне дальнейшую работу с ней.

– И кого из нее будешь делать?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.